

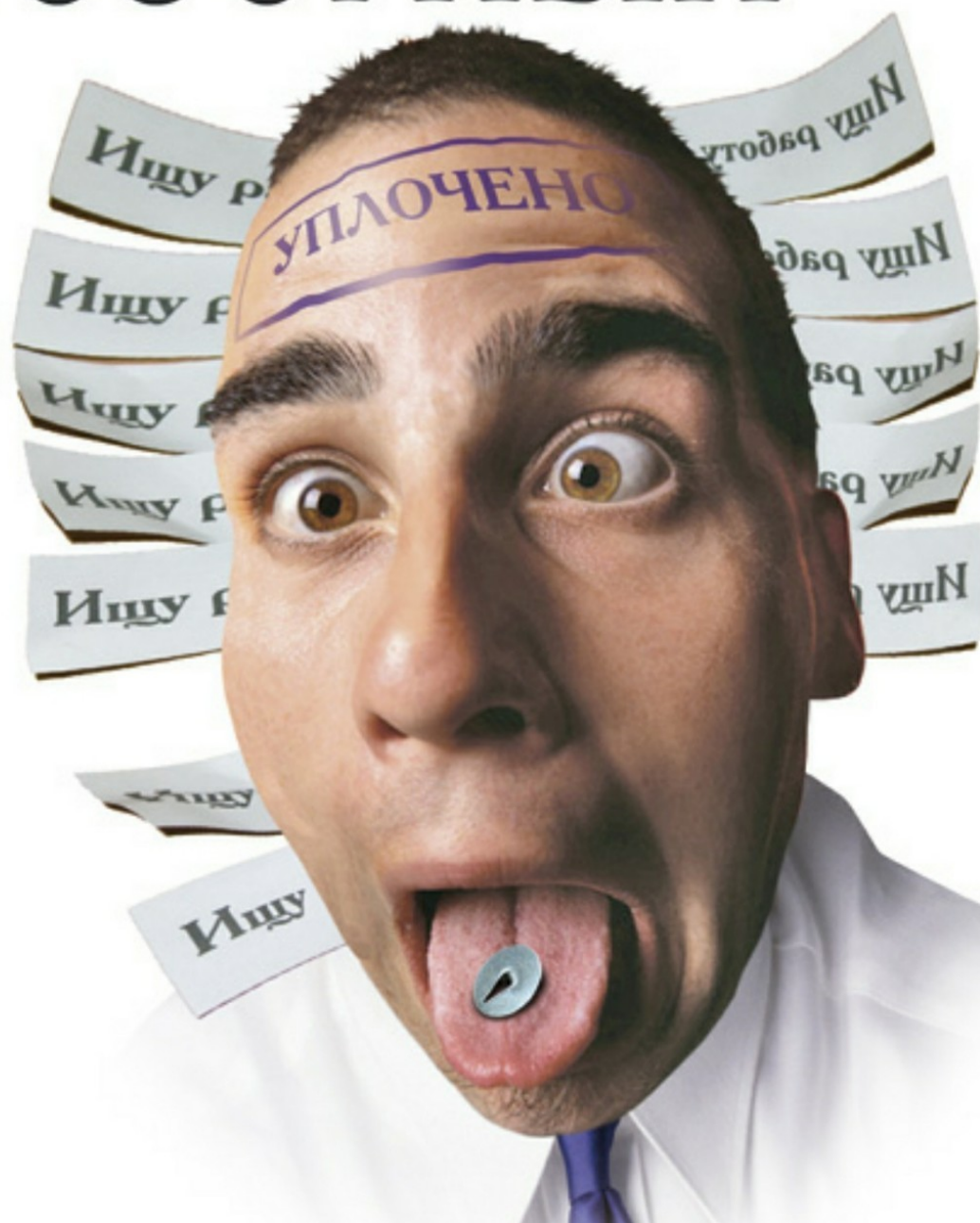
Леонид
РУДНИЦКИЙ

КЛЕР

ПОЗОРНЫЙ

Леонид Рудницкий
Клерк позорный

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Рудницкий Л. А.

Клерк позорный / Л. А. Рудницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Сергей Фролов с сетевым ником «Коржик» – классический клерк. Неглупый, в чем-то образованный, энергичный. Он берется за любую работу: продает земельные участки, торгует металлическими трубами, выбивает долги, обналичивает деньги. И отражает атаки на себя офисных конкурентов. От такой суматошной жизни снятся Коржику страшные сны. То ли совесть мучает, то ли печень жалуется, отравленная дешевым алкоголем. Страшно ему, а нам смешно – ведь и клерковская явь, и клерковский сон давно стали городским фольклором, который вы будете пересказывать друзьям, тоже, возможно, клеркам...Содержит нецензурную брань.

1

Сзади раздался сигнал машины. Коржик сделал вид, что не слышал. Сигнал повторился. Коржик не оглянулся. Сигнал стал длинным и наглым, с переливами.

Коржика как током ударило. Он резко развернулся и увидел черный джип с сильно тонированными стеклами. За рулем сидел невзрачный хмырь. Он хотел проехать.

– Пошел ты в жопу, урод! – громко сказал Коржик. – Здесь тротуар! Понял?

Тип смотрел на него без выражения, как на пустое место.

Коржик повернулся и пошел дальше, не посторонившись ни на сантиметр. Мотор за спиной взревел, и машина пронеслась мимо, чудом не задев ни колонну здания, ни Коржика. Тот проводил ее долгим ненавидящим взглядом и пожалел, что в кармане нет куска динамита со взрывателем, чтобы швырнуть вслед. Пуп земли, бя! Машине оторвало бы задницу, и она поехала бы дальше, вся в клубах дыма и пламени, на передних колесах – у нее ведь полный привод? Было бы красиво.

"Когда-нибудь ты доиграешься", – безразлично подумал он о себе в третьем лице, отгоняя приятное видение. Коржик не испытывал ни испуга, ни раскаяния. Он был готов к тому, чтобы "доиграться". Он даже хотел этого. Чтобы водитель вышел и переспросил.

– Так, куда ты меня послал?

Он повторил бы. Потом завязалась бы драка. Было бы весело.

Но водители это чувствовали и никогда не выходили, сколько бы он их не посылал.

Люди всегда чувствуют, когда с тобой не стоит связываться.

2

Коржик с женой сидели на кухне. Ужин заканчивался.

Коржилом он сделался несколько лет назад, когда придумал себе этот ник для форумов в сети. В жизни его имя было Сергей Фролов. Ник ему подошел, и он действительно стал ощущать себя коржиком. Сначала он писал «Черствый Коржик», потом набивать два слова стало лень и ник сократился до одного. Ему нравились еще два ника – «Ф9» и «Шнапс», но в них было что-то ненатуральное, а «Коржик» звучал естественно и сливалось с ландшафтом.

Длинный, худой черствый коржик, вроде тульского пряника, того, который прямо угольником – это и был он. За его тридцать два года вполне можно было зачерстветь, просто окаменеть, как будто его оставили на даче на подоконнике до следующего лета. Ему нравилось думать, что когда-нибудь об него кто-то сломает зубы. Но пока зубы ломал он сам – никак не удавалось откусить от жизни ничего приличного.

– Меня уволили, – сообщил он жене, как бы мимоходом.

– Да?!

– Да

– А почему?

– Контора загибается.

– Такой большой банк не может загнуться.

– Может.

– Уволили всех?

– Нет.

– А кого еще?

– Из моего отдела еще двоих.

– Та-а-к, – протянула она, – контора загибается, а уволили только троих?

"Кукла крашенная, – с неприязнью подумал Коржик. – Могла бы и посочувствовать".

– Да, – сказал он, – уволили только троих.

– И ты в их числе.

– Да.

– А как же остальные?

– Их пока оставили.

– А почему тебя "пока" не оставили?

– Кто-то подсел.

– А у них, значит, врагов нет?

– Выходит, что так.

Пауза.

– А выходное пособие тебе выплатили?

– Нет.

– По-че-му?

– Отправили в отпуск без содержания.

– Это из которого не выходят?

– Да.

Опять пауза, сопровождаемая выразительной гримасой на смазливой мордочке. И приговор.

– Ты – лузер.

Коржик промолчал. "Зачем люди женятся? – подумал он. – Чтобы отдавать деньги, а потом выслушивать все это? Вот если бы ее уволили, я не стал бы ни в чем ее упрекать. Сказал бы, что они еще будут жалеть за таким ценным кадром. Или что-нибудь в этом роде. Хотя она вовсе не ценный кадр. Так, неврастеничка. Не умеет общаться ни с людьми, ни с мужем".

Дальше ужинали молча. Потом смотрели телевизор. В телевизоре 2002 года все было хорошо. Самозабвенно токовали разные ток-шоу, новости были особенно верноподданическими, а назойливая реклама прерывала все это каждые пять минут.

Коржик подумал, что жена будет его пилить до того самого момента, пока он не найдет новую работу. Она пилит не так, как другие – бурно, но один раз. Нет, она делает паузы и вставляет шпильки, когда он уже обо всем забыл. Как будто отрубает хвост у собаки по частям. Господь должен это видеть и когда-нибудь ей за это воздастся. Как и всем сварливым бабам вообще.

Весьма вероятно, что в будущем он найдет на них какой-нибудь мор, вроде птичьего гриппа. Это будет бабий грипп, который и выкосит их всех под корень. Наука к тому времени уйдет далеко вперед и создаст искусственные гениталии, неотличимые от настоящих. Их станут встраивать в бытовую технику, как дополнительную функцию, а саму технику снабдят зачатками интеллекта, чтобы она могла говорить какие-нибудь слова в минуты страсти. Немного, два-три десятка вполне хватило бы. Но непременно таким же голосом, как у "Виагры" или "Блестящих".

С этими мыслями Коржик закрыл глаза и уснул. Вообще-то, сейчас следовало напиться до свинского подobia в компании друзей по случаю увольнения, но, во-первых, у него не было друзей, которым можно было бы пожаловаться на жизнь, а во-вторых, ему этого и не требовалось – он привык все неприятности переносить сам. В таких случаях он предпочитал просто поспать. После сна обычно все выглядело не так уж плохо.

Когда на следующее утро он проснулся, жена уже ушла на работу. Он оделся и пошел в магазин. На улице было полно фигуристых телок с открытыми пупками и пирсингом в них. Теперь ему уже не хотелось, чтобы на них обрушился свирепый бабий грипп. "Пусть как-нибудь потом", – подумал он, словно это зависело от его воли.

3

В приемной кадрового агентства Коржика встретила стройная блондинка.

– Ваше имя?

– Сергей Фролов.

– На какую позицию вы претендуете?

– На тыловую.

Она оторвала глаза от монитора.

– То есть?

– Ну, есть "позиции" на передовой, а есть – в тылу. Последние мне нравятся больше.

– Это шутка? – спросила она без тени улыбки.

"Серьезная, даже слишком. – подумал он. – Старается. Видно, саму приняли недавно. На "позицию" секретарши на рецепшене или что-то вроде того". Но Коржик предпочел бы побыть с ней наедине в другой позиции, а лучше в нескольких. Благо, их придумали много.

– Да, шутка.

– Смешно, – сказала она, все так же не улыбаясь.

Коржик пожал плечами. Мол, шучу, как умею. Некоторые не могут и так.

Она протянула ему стандартную анкету на двух листах со вкладышем. Коржик отправился в коридор заполнять. Здесь уже вовсю скрипели ручками конкуренты – женщина в черно-белом с красными ртом и аккуратные мужчинки с портфельчиками. У одного на руке поблескивал фальшивый "Фрэнк Мюллер". Говорят, их нельзя на взгляд отличить от настоящих. Возможно, но на самом деле вычисляется это мгновенно – у человека, претендующего на эту позицию, просто не может быть таких часов. Неужели он об этом не догадывается?

Коржик открыл анкету и присвистнул. Мама родная! Триста пунктов мелким шрифтом или около того. Где они только их берут? Не иначе, скачивают с сайтов американских рекрутинговых агенств, а потом коряво переводят.

Пробежал список глазами. Там были такие, например, перлы: "Назовите пять своих главных достоинств и пять недостатков". "Ага, счас! – подумал он. – Вот только шнурки поглажу. Я пришел к вам – это и есть мое главное достоинство. Мог, ведь, и к другим зайти".

Колонку достоинств он оставил без ответа – сами узнают, если столкнутся, а в колонке недостатков написал: "Разговариваю во сне". А что? Вполне себе реальный недостаток. Жена, например, за него ругала. Да он и сам боялся проболтаться во сне о том, чего ей знать не следовало. Но пока Бог миловал.

Можно было бы еще написать: "Постоянно хочу кушать". Это и был, если честно, его главный недостаток. Если бы не он – хрен бы Коржик клал на эту контору и на все остальные конторы. Валялся бы на диване и плевал в потолок. Жил бы на приморском курорте, а не в ужасной Москве. Читал бы книжки, пил много пива в ресторанчиках на набережной и водил к себе разных баб.

Одна старуха у метро "Алексеевская", торгующая всякой дребеденью, как-то мечтательно заметила, когда Коржик проходил мимо.

– Вот если бы вставить себе две пробки: одну в рот, а другую в задницу – тогда можно было бы жить.

Он подумал, что тоже не отказался бы от такой операции. Но это, ясное дело, было невозможно. Поэтому он и пришел в агентство.

Ага, вот еще перл. Ну прямо прослезиться можно от наивности составителей. "Каковы ваши карьерные планы на ближайшую и отдаленную перспективу?"

"Милые вы мои, – подумал Коржик. – Здесь все просто. Конечно же, стать начальником вашей конторы, вашего славного АО, ЗАО, ТОО, ИЧП, ПБОЮЛа или как вас там. Надеюсь,

вы не командитное товарищество? А то, как сказал поэт: "Когда в товарищах согласья нет – на лад их дело не пойдет..." И затем поменять всех работников на всех "позициях". А того труженика, который составляет такие анкеты, поставить в позицию "раком".

"Заработать денег" написал Коржик и не покривил душой. Деньги – главное, а все остальное – иллюзия. Обещание карьерного роста вообще для дураков. Мы, мол, дадим тебе сейчас денег поменьше, но зато у тебя будет надежда на карьеру. На это у Коржика всегда был один ответ – дайте денег побольше и сейчас, а обещание карьерного роста сложите в трубочку, и засуньте себе в задницу. Так далеко, как сумеете". Пока он будет ждать карьерного роста, их вшивая контора может вообще развалиться.

Так, дальше пошли вопросы о хобби, курении и тому подобном. Это можно пропустить. Нет у него хобби, кроме работы в их конторе. Все свои силы он хочет посвятить обогащению их хозяина. Разве этого не видно по выражению его лица?

Коротко ответил на вопросы об адресе и образовании. Они вполне разумны. Настолько разумны, что на фоне остальных выглядят чужеродными. Подпись и дата. Все.

Оглянувшись он увидел, что мужчинки и черно-белая мадам уже исчезли. Наверняка, ответили на все вопросы. Очень уж старательно и сосредоточенно елозили они ручками по бумаге.

Коржик отдал анкету все той же блондинке. Она ушла, а он не мог оторвать взгляд от ее задницы. "Эх, попасть бы нам вместе во время вечеринки в каморку, где их уборщица хранит корпоративные швабры, – подумал Коржик. – Кто мне объяснит, почему женщины в офисе выглядят более привлекательно, чем точно такая же, но на улице? А почему молодые медсестры в белых приталенных халатах вызывают столбняк и мгновенную эрекцию? Но стоит ей снять халат – и вся магия гормонов тут же пропадает. Тайна".

Через несколько минут его пригласили в кабинку для собеседования. Следом вошел блеклый молодой человек с его анкетой в руках. Сказал, что вакансия в инофирме. Глядя в нее, начал задавать вопросы. Коржик отвечал рассеянно. Из других кабинок были слышны ответы других кандидатов. На эту же и на другие "позиции". Ему почему-то вспомнились слова из песни: "На позицию девушка провожает бойца". Он не боец. И у него нет девушки. Только жена и она уже давно не девушка. Но если бы можно было опять сделать ее девушкой и вернуть на то же место, откуда он ее взял, он бы согласился.

Пока его собеседователь не пришел, он слушал разговоры из других кабинок. Слово "собеседователь" Коржик придумал здесь же. Ему нравилось придумывать слова, которых нет в русском языке, но которые вполне могли бы там быть, исходя из его логики. Правильно было бы "интервьюэр" (он) и "интервьюируемый" (Коржик), но звучало это как-то по-пидорски. Коржику больше нравилось "собеседователь" и "собеседуемый". Слово "собеседователь" отдаленно напоминало и «следователь», и "сеятель". По сути, так оно и было. Собеседователь исследовал его и сеял зерна рекрутинга в его темную и сырую почву. Коржик должен был раскрыться перед ним с лучшей стороны, с которой он и сам себя раньше не знал. Ему полагалось дать побегу идеального клерка. Такого, про которого можно сказать, что он – сгусток энергии, инициативы, чинопочитания и исполнительности.

За тонкой перегородкой другой собеседуемый со слегка хриловатым и каким-то уж очень простым голосом втирал собеседователю, что он не реализовал себя на прежней работе и надеется сделать это на новом месте. Судя по голосу, ему было порядочно за сорок. Не самый подходящий возраст для самореализации. К тому же, хрипотца в голосе выдавала в нем любителя выпить. Коржик подумал, что это обстоятельство будет, пожалуй, слегка мешать раскрытию потенциала данной личности. Тем не менее, собеседователь разговаривал с ним долго и обстоятельно.

Через проход невидимый соискатель рассказывал, что стажировался и работал в Голландии, достиг там небывалых высот, а затем вернулся в Москву. Здесь он достиг еще боль-

ших высот в продаже шоколадок кондитерской фабрики «Красный Ноябрь» и теперь за все это хочет очень большую зарплату. Ему попался более опытный собеседователь. Несколькими точными вопросами он выяснил действительный размер успехов соискателя и сказал, что такой зарплаты у них нет. Соискатель снизил требования вдвое. Но не получил и этого. Собеседователь предложил ему цифру ровно втрое меньше запрошенной и то еще под вопросом. Соискатель замялся и сказал, что ему нужно подумать. На том они и расстались.

Коржику показалось, что если выбор работодателя падет на того, он согласится. Но если бы дело касалось Коржика, и ему предложили зарплату втрое меньше, он бы отказался от "позиции". Правда, он и не запрашивал таких астрономических сумм. Западного "эмбия" у него не было, вузы окончил самые простые, рабоче-крестьянские. Отнюдь не "Плешку", ГУУ или АНХу, а истфак и торговый институт. Так что тянул ножки по одежке. Не пытался пустить пыль в глаза и говорил только о том, что есть.

Но в итоге, как ни странно, прошел именно он.

4

Вход в его новую контору был с Тверской. Невзрачная дверь без вывески в доме у гостиницы «Минск». За ней обшарпанный подъезд. Старая вертушка-проходная перед ступеньками. Стеклопанельная будка с ментом.

– Вы к кому? – спросил мент.

– К Ларисе Викторовне, э... на третий этаж.

Он забыл, как называется фирма. Мент записал его в журнал. Это был не настоящий мент – всего лишь вневедомственная охрана, но форма та же, мышинного цвета. Кто не знал, мог спутать.

Коржик стал подниматься по ступенькам. Они были шербоватыми, но широкими. Наверняка еще дореволюционными. Все двери на площадках были оббиты старым дерматином в трещинах и лохматым внизу. Навстречу попала раскоряченная старуха в сопровождении злобного пинчера, который визгливо облаял Коржика и изобразил сильное желание укусить. У того дернулась нога его пнуть, но он сдержался. Старуха и не подумала извиниться. Вверху открылась дверь и небритый мужик в майке-алкоголичке крикнул.

– Мама, пива не забудь!

– Ладно! – ответила тетка, задрав голову. – Прибери там пока.

"А туда ли я попал, – засомневался Коржик. – Бывают ли в таких подъездах инофирмы?"

Очень скоро оказалось, что некоторые бывают. Нужная ему дверь была сделана из металла и выглядела неплохо. Он дернул ручку. Дверь тяжело, но плавно отворилась. В большой прихожей горел свет, и никого не было. Он ожидал, что сейчас откуда-нибудь появится сиделец в черном с рацией в руке, но охраны не оказалось. В конце длинного коридора слышались приглушенные голоса. Везде было видно следы недавно законченного ремонта. Пахло краской и побелкой, уже не очень сильно. Мимо прошмыгнул мужичок в свитере и джинсах. Он не обратил на Коржика никакого внимания. "Что-то не больно он похож на клерка из инофирмы", – подумал Коржик.

– Слышь, – спросил он, – а где тут Лариса Викторовна?

Тот махнул рукой в сторону голосов и с проворностью таракана исчез за ближайшей дверью. А может, это и был таракан? Коржик успел заметить, что мебель в кабинете новая и это его немного успокоило.

Он пошел по коридору. Голоса стали слышнее. Он бывал в таких офисах, переделанных из старых коммунальных квартир. Комнат пять или шесть плюс кухня. Жильцов, конечно же,

давно расселили, и они теперь кукуют на окраинах. Надо думать, и обдурили по ходу дела. Что ж, сами виноваты. Теперь они могли бы выторговать для себя гораздо лучшие условия.

Заглянув в приоткрытую дверь, Коржик увидел трех женщин в халатах и косынках, занятых уборкой. Двух из них он не знал, а третья показалась ему странно знакомой, но он сразу не смог вспомнить, где ее видел. Он поздоровался.

– Я к Ларисе Викторовне.

– Привет! – ответила та, улыбаясь.

Он всмотрелся в ее лицо, и до него все дошло. Это и была Лариса Викторовна или просто Лариса, потому что он никогда не называл ее по отчеству. Он знал ее сто лет. Ну, два года уж точно. Она покупала через него всякие экзотические долги, когда он еще работал в банке. Пару раз Коржик бывал в гостях у них в офисе и Лариса оказывала ему усиленные знаки внимания, но Коржику было тогда не до того. Приятная она женщина, но малость не в его вкусе – пышка.

– Так это тебе требуется заместитель? – спросил он.

Она кивнула.

– Не знал, что вы переехали, – заметил он, чтобы заполнить паузу.

– А я не знала, что ты ушел из банка, пока из агенства не прислали твое резюме. Давно?

– С месяц.

– А почему?

Коржик развел руками.

– По ряду причин.

Не мог же он объяснять ей, что его уволили за левые сделки с долгами.

И сразу же поменял тему.

– А я думал, что иду в инофирму.

– Мы и есть инофирма. Ты разве забыл?

Он не забыл. У них был кипрский оффшор с каким-то смешным названием. Кажется, это больничный зов "Нянька, утку!", но по-гречески. С чувством юмора у них было все в порядке. Только Коржик не считал такие конторы инофирмами. Фуфло все это. Если они инофирма, то он – регент короля Мордовии. Он мечтал о другой работе – в большой корпорации, которая владеет мировым брендом. А это совсем не то. Так, дурилка картонная.

Видимо, эти мысли отразились у него на лице, потому что Лариса спросила.

– А ты какую работу ищешь?

– Да, примерно такую же, – осторожно ответил он, – только...

– Только, что?

– Ну, хотелось бы, чтобы фирма была большая. Стекланные лифты, там, живое дерево в вестибюле, растущее прямо из пола, и каскад фонтанов вокруг. Иностранец в начальниках и всякое такое.

– Так тебе дерево или должность? Ведь там, где дерево с фонтанами, тебя возьмут на самую низшую ступеньку. Если вообще возьмут.

В душе он знал, что она права, но все же надеялся, что случится не так.

– Думай, – сказала Лариса. – Я предлагаю тебе реальную работу и хорошую зарплату.

Коржик думал. На собеседование в крупные инофирмы его еще не приглашали. И неизвестно, пригласят ли. Да и его английский был не так уж хорош для беглой болтовни. Так что перспективы были туманными. А тут он получал запись в трудовой, ссылаясь на которую мог впоследствии объявить себя потомственным топом и требовать подобающего статусу отношения.

Он решился.

– Ладно, я остаюсь.

– Вот и славно, – обрадовалась Лариса. – Завтра и приступай. Сегодня у нас уборка.

– А с директором не надо встретиться?

– Он отъехал по делам, вернется вечером. Я ему все скажу.

– Директором у вас все так же Анатолий?

Его Кожик тоже называл по имени и отчества не помнил.

– Да, Анатолий Петрович. Кому же еще? Он владелец, он и директор.

"Она рулит, когда его нет, – подумал Коржик. – Клево! Я, значит, буду третьим человеком в конторе. В настоящей инофирме об этом нельзя было и мечтать. Свалю потом, если что".

Он еще не знал, что сваливать отсюда придется не в переносном, а в самом прямом смысле.

5

Коржик вернулся домой в приподнятом настроении. У него опять была работа и, судя по всему, очень неплохая.

– Я нашел работу, – сказал он жене.

Та обрадовалась.

– Быстро ты управился.

– Долго ли умеючи, – не без гордости заявил Коржик.

– Умеючи – долго, – игриво заметила она.

Кажется, она имела в виду что-то другое.

А ночью ему приснился сон про одного трудолюбивого клерка. Тот очень любил сидеть на работе. Сядет, бывало в свое уютное кожаное кресло с деревянными подлокотниками, закопается в бумаги и монитор, и так и просидит весь день, с неохотой вставая только на обед и в туалет. По дороге домой он думал о своем кресле, дома тоже о нем думал, а утром, по пути на работу, думал о нем вдвойне. Он вождедел его, как юноша вождедел девушку. Он говорил всем, что он трудоголик, что работа для него превыше всего и, будь его воля, он даже в выходные приходил бы на работу. Он надеялся, что эти слова достигнут ушей начальства, и оно его как-то отметит.

Они и достигли. Но начальство подумало: "А хрен ли его отмечать, трудоголика этого? Трудоголил он без отмечания раньше, пусть трудоголит и дальше".

Добрые люди передали эти слова клерку. Он огорчился, что его не очень ценят, но ненадолго. "Главное, – подумал он, – у меня есть любимое рабочее место".

И все бы ничего, да стал чувствовать клерк, что от долгого сидения на работе жопа его каменеть начала. Захочет он ее почесать, украдкой наклонится на одну сторону, сунет пальцы под ягодицу – а она твердая и холодная. Но зудит, черт побери, как теплая. Почешет кое-как, чуть не ломая ногти – и опять за работу, чтобы не думать об этом. А задница каменеет все больше. О том, чтобы сходить к врачу, и речи не было. Ведь это же надо покидать любимое кресло, отпрашиваться с работы, выходить под дождь на улицу. В общем, запустил он процесс. Может, медицина и могла ему помочь вначале, но время было упущено. Довел он дело до того, что иглы в жопу лезть перестали, гнулись попросту и все тут.

"Ну и ладно, – решил клерк, – можно жить и с такой жопой, особо она и не мешает".

Так-то оно так, но неудобства некоторые все же появились. К примеру, сел он как-то с размаху на работу на унитаз, не рассчитал немного ускорение – и рассыпалось от его каменной жопы сидение вдребезги. Очень он тогда испугался. Собрал куски, сложил их воедино и тихо выскользнул из туалета. Переживал, чтобы не выяснили, кто это сделал. Но все обошлось. Поорал немного офис-менеджер в пространство, что, мол, что за народ такой пошел, все ломает и забылось.

Стал он садиться на унитаз осторожно. Сидение потрескивало, но выдерживало.

А жопа все тяжелела. И настало время, когда пришлось сидение поднимать – не было оно рассчитано на такой вес. Пару раз это сработало, но потом он как-то поскользнулся, потерял равновесие и накрыл унитаз своей каменной жопой уже без всякой осторожности. Унитаз жалобно крикнул, постоял немного, словно раздумывая, что же ему теперь делать, и рассыпался на мелкие кусочки. Клерк едва не умер со страху.

Но все обошлось и на этот раз. Он крадучись вышел из туалета и пробрался на рабочее место. Его никто и не видел. Правда, офис-менеджер теперь бушевал гораздо дольше и лез ко всем с расспросами, кто же это такое вытворяет. Но не выяснил. А наш клерк после этого стал ходить на улицу в синюю кабинку – там таких проблем не возникало.

Наступила зима, ударили морозы. В выходные жена потащила клерка на каток.

– Пойдем, клерк, – сказала он, – разомнешь жопу. А то сидишь сутками, никуда не ходишь.

Клерк пошел. Не очень ему и хотелось идти, ведь так уютно было думать о работе, лежа на диване и шелестя бестолковой газетой "БарыгаЪ", да спорить с женой было бесполезно. Каток был устроен на пруду в ближайшем парке. Они взяли напрокат коньки и стали кататься. Но клерк давно уже не катался и почти забыл, как это делается. Он разогнался, потерял равновесие и со всего маху шлепнулся на задницу. А задница-то была каменная, тяжелая, как у памятника. Она проломила лед и потащила его под воду.

Он долго барахтался и цеплялся за края полыньи, но лед обламывался. Коржик бросился навзничь, подполз и протянул ему руку. Клерк уже почти ухватился за пальцы, но тут прозвенел будильник и Коржик проснулся. А клерк пошел ко дну. Несколько минут Коржик в отчаянии пытался уснуть опять, чтобы все-таки того вытащить, но ничего не получилось. Клерк утонул.

"А не вещий ли это сон?" – думал Коржик, собираясь на работу.

6

После банка на новом месте было тихо и уютно. Никто не бегал по коридорам со срочными бумагами, не разрывались телефоны, не ломались посетители, не разносили для ознакомления под роспись новые идиотские распоряжения, разработанные отделом внутреннего контроля. Контроля вообще не было. И телефоны не прослушивались. В воздухе не висела агрессивность клерков друг к другу, никто не отталкивал конкурентов в желании лизнуть руководящую задницу.

Все пили чай и смотрели в окна. По Тверской текла праздная публика. Клерки лениво комментировали увиденное и обсуждали свои внеслужебные дела. Разговоры были долгими, неспешными и бесполезными. Такие забываются на следующий день и начинаются заново. Все откровенно коротали время. Не хватало только ковров с подушками в восточном стиле и журчащих фонтана.

Суэта начиналась с приездом директора. Он галопом пробегал по коридору, скрывался у себя в кабинете и начинал кому-нибудь названивать. Его партнеры тут же прознавали, что он уже в офисе, и начинали звонить ему. Клерки принимались звонить им. Те в ответ звонили клеркам. Покой улетучивался.

Директор, которого за глаза звали Толян, приносил с собой суету, но не агрессивность. Поначалу он показался Коржику идеальным начальником. У него не было даже тени высокомерия. Он излучал деловую доброжелательность и демонстрировал хорошие манеры. Он никому ничего не приказывал, а просил сделать, причем в мягкой форме. Коржик мог зайти в его кабинет в любое время и обсудить любой вопрос. Это был тот самый доступ к "телу", о котором он мечтал и которого был лишен в банке с его строгой субординацией. Он опять

чувствовал себя топом, а не бесправным мелким клерком. Временами появлялась иллюзия, что все здесь были единомышленниками, делающими общее дело.

Потом он начал осознавать, что не очень-то и понимает суть этого дела. Толян просил секретаршу набрать неведомых Кильду Ураловича, Петра Сазоновича или Сергея Лазаревича. Их фамилии, должности и города не назывались. Однажды новая секретарша Вика затупила и спросила номер очередного таинственного человека без фамилии.

– Лариса знает, – недовольно ответил Толян по громкой связи, – посмотри у нее.

Вика подошла к Ларисе, та молча открыла записную книжку и ткнула пальцем в нужное место, чтобы не произносить вслух. Коржику было понятно, что это какие-то важные перцы в своих регионах, чиновники или начальники, но какова их роль в сложном бизнесе Толяна оставалось только догадываться. И сам Толян не спешил ее прояснять. Он вообще старался говорить о своем бизнесе как можно меньше. Перед каждым ставилась узкая задача, а общая картина была понятна только ему. И он ревностно оберегал ее от посторонних взглядов. Он почти никогда не устраивал планерок и не анализировал результаты работы. Никто и не знал этих результатов. Коржику было не ясно, каким образом он может вклиниться в бизнес, которого не понимает. Что он мог предложить Толяну такого, чтобы стать партнером? Он не знал.

Ему по старой памяти продолжали звонить дилеры с долгового рынка и порой делали выгодные предложения. Но для сделок нужны были деньги.

– Анатолий, давай купим долг этой компании, – предлагал Коржик. – Потом продадим и заработаем.

– А если не продадим? – сомневался тот.

– Продадим. Я знаю, кто покупает.

– А много денег нужно?

Коржик называл сумму.

– Много! Столько денег у меня сейчас нет.

– А сколько есть?

– Нет, на это дело вообще нет. Деньги в обороте, я не могу их вынуть.

– А как же быть?

– Возьми на комиссию, как ты раньше брал.

«Тогда, зачем ты мне нужен?» – подумал Коржик. А вслух сказал.

– Это было от имени банка, который все знали. А кто даст такой неизвестной фирме, как мы?

– Не знаю, придумай что-нибудь, – отмахнулся Толян.

Он поднял трубку и сказал.

– Вика, набери мне Равшана Гусейновича.

Аудиенция была окончена. Коржик вернулся к себе. Ничего не придумывалось. На долгом рынке можно работать либо деньгами, либо именем. У Толяна не было ни того, ни другого.

7

Клерки в офисе Толяна были заметно проще, чем их лощеные собратья в банке, казавшиеся по сравнению с ними сплавом резины и пластмассы. Поначалу Коржику нравилось за ними наблюдать.

Вот на пороге возникла Ольга из бухгалтерии, крашенная блондинка лет тридцати пяти.

– Поздравляю всех с пятницей! – радостно возвестила она.

– Спасибо! – отозвалась Лариса.

- С чем? – переспросил Коржик.
- С пятницей!
- А что, сегодня праздник?
- В пятницу – всегда праздник, завтра выходной.

Коржик не считал выходные таким уж праздником, а будни – такой уж каторгой. Часто он не знал, чем заняться и в выходные, и на работе. Это как пойдет.

А вообще, офисная жизнь была скучна и однообразна. Ее слегка оживляли только чаепития, перекуры и командировки. Ну, и еще выходные, как у Ольги. Она поздравляла всех с пятницей каждую неделю, ни разу не забыла. При этом она сияла лучезарной улыбкой доброй феи, как будто пятницу людям принесла именно она. Замученный народ отвечал ей вяло.

У Ольги была хорошая фигура и выглядела она привлекательно. Но вблизи все портили глубокие морщины на шее. Из-за них она казалась старше своих лет. Но все равно Коржик решил, что при случае и по пьянке утащит ее в какую-нибудь каморку. Этим планам впоследствии не суждено было осуществиться – в офисе все просматривалось, а свободных каморок просто не было.

"Наверное, по выходным ее жизнь становится яркой и насыщенной, – думал Коржик, – раз она так радуется пятнице".

– Что ты будешь делать в эти выходные? – как-то спросил он после очередного поздравления.

- Пойду в гости, – ответила Ольга.
- А что делала в прошлые?
- Принимала гостей.
- Ну, а на следующие выходные что запланировала?
- Пока не знаю. Может, выберемся на шашлыки.

Все было ясно – женщина любила веселые компании.

Голос у Ольги был слегка хриловатый. Это от курения. Хрипотца придавала ему домашний уют, но Коржик никогда не знал, о чем с ней говорить. Впрочем, с ней и молчать было нормально, ее присутствие не тяготило. У Ольги был позитивный взгляд на вещи, она никогда никого не ругала. Когда о человеке нечего было сказать хорошего, она и не говорила, просто меняла тему разговора. Этот ее вечный позитивизм и делал общение с ней неинтересным. Что толку говорить о хорошем, если с ним и так все ясно? Хотелось брюзжать и источать желчь, а она этого то ли не желала, то ли не умела.

На кухне она всегда предлагала Коржику налить кофе, передать печенье, еще добавить кофе. Он воспринимал эти знаки внимания рассеянно, потому что они оказывались не только ему, но и всем остальным мужчинам.

Ольга обожала рассказывать о своей собаке, сыне, а иногда и о муже. Она была воплощением открытости и непосредственности. Она не разучилась радоваться простым вещам, чему можно было только позавидовать.

Ольга работала у Толяна едва ли не со дня основания фирмы, как и Лариса. За это время Толян ее не повысил и не сделал главбухом. Зачем? Она хорошо выполняла свою работу, пусть сидит на ней и дальше.

Ольга рассказывала, что однажды ее попытались изнасиловать в лифте, но она оказала решительное сопротивление, не подпустив насильника к пульта, чтобы тот не смог заблокировать движение кабины. Он хотел заломить ей руку и оттащить от кнопок, она же двинула его кулаком в живот. Худосочный пьяный хмырь не смог совладать с ней. Борьба происходила в тишине. Она ударила его коленом в пах и выскочила на своем этаже, а мужик уехал дальше. Ольга знала его визуально, хотя и не здоровалась. В маленьком подмосковном городке все друг друга знают. Безработная пьянь, холостяк.

Дома она рассказала обо всем мужу. Тот быстро выяснил, кто это был и кинулся к тому домой, чтобы линчевать. Но там уже никого не оказалось. Мужик протрезвел, понял, в какую историю вляпался и сбежал из города на несколько месяцев. Заявлять в милицию Ольга не стала – пожалела алкаша.

В другой раз в сумку к ней залезла черномазая воровка. Ольга как раз примеряла туфли в магазине. Она ударила воровку ладонью по руке. Та руку отдернула. Она ничего не успела украсть и Ольга не стала поднимать шум.

– А что было дальше? – спросил Коржик.

– Она посмотрела на меня, улыбнулась и отошла, – ответила Ольга.

Коржик спросил, почему же она не позвала милицию или хотя бы не подняла шум. Оказалось, что это просто не пришло ей в голову. Она была рада уже тому, что спасла кошельки.

– Тебе нужна сумка с кодовым замком, – посоветовал он, – вот как у меня.

Ольга посмотрела на его дорогой портфель, улыбнулась и ничего не ответила. Толян платил ей недостаточно для таких покупок.

8

Прошел месяц. Никто и не думал оформлять документы Коржика. Он решил напомнить об этом Ларисе.

– Какая у меня должность? – спросил он.

– Заместитель финансового директора.

– Так давай запишем это в трудовой.

Лариса замялась.

– Тебе это очень нужно?

– Ну, не горит, но желательно.

– Это не так-то просто.

– А в чем сложность? – пошутил он. – Берем ручку в одну руку, печать "Метпрома" – в другую. Пишем и шлепаем.

Лариса пожала плечами.

– Шлепнуть, конечно, можно, только это будет неофициально.

– Почему?

– Потому что в штате "Метпрома" числятся всего три человека: Анатолий Петрович, я и главбух. Шеф вряд ли захочет увеличивать штат.

– Почему?

– Это усложнит бухучет, увеличит начисления на фонд заработной платы и так далее.

– А как же остальные сотрудники?

– Они работают здесь неофициально.

– А другие наши фирмы?

– Их нет.

– Как нет? Мы же ставим на договоры и платежки их печати.

– Наличие печати не всегда говорит о наличии фирмы, – ответила Лариса.

– То есть?

– Есть мастера, которые сделают печать с любым словом, которое ты им скажешь.

– Фальшивую, то есть?

Лариса неопределенно кивнула.

– А что у нас есть настоящего?

– Только "Метпром".

– И все?

– Ну, еще кипрский оффшор.
– Стало быть...
– Ты можешь получить в трудовую неофициальную печать "Метпрома", либо любую из наших левых печатей.
– А кипрскую?
– У этой фирмы нет печати. Иностранцы работают без них. Иногда используют прямоугольные штампы. Но кипрская печать, даже если бы она и была, для трудовой ничего не даст. Это все равно, что она есть, что ее нет.
– А я-то рассчитывал... – разочарованно протянул Коржик.
Она развела руками.
– Увы. Тебе надо было сразу об этом спросить.
– Я же не знал ваших заморочек, – раздраженно ответил он.
– Половина Москвы так работает.
– Почему именно так?
– Чтобы не иметь дела с налоговой и ничего не платить.
Коржик тоже не любил налоговиков, но здесь был явный перебор с уклоном в незаконное предпринимательство. Он задумался.
– Так что ты предпочитаешь? – спросила Лариса.
Он пожал плечами.
– Попроси Сашу Шлыкова, – посоветовала Лариса, – он тебе покажет все варианты. Можешь шлепнуть любую.

Коржик пошел к Саше, сорокалетнему мужику с сединой в шевелюре и интеллигентным лицом, и тот, кряхтя, достал из-за плитки подвесного потолка коробку от ботинок. На ее крышке кто-то написал синим маркером: "Нематериальные активы". "Шутники, блядь!" – подумал Коржик. В коробке лежали штук двадцать печатей разных АО, ТОО, ЗАО и ИЧП, о которых он ничего и не слышал. Это была история Толяноговского бизнеса. Каждая печать была наклеена на замусоленную деревянную рукоятку столетней давности. Коржик стал перебирать их и читать названия. По большей части они были стандартными: "Фаворит", "Альфа-1", "Санпромсервис", "Техмонтаж-нано", "Синергия". Но встречались и настоящие перлы: "Мухосранич", "Бизнес-сирота", "Деньги давай", "Хачу кушать", "Памажите, чем сумеете". О том, чтобы шлепнуть это убожество в его красивую трудовую, и речи быть не могло. "Издевается она, что ли?" – подумал Коржик о Ларисе.

Он вернулся к себе.

– Что решил? – спросила она не сразу и как бы мимоходом.

– Подумаю, – мрачно сказал он.

Она кивнула.

"Чего же ты, курва, не предупредила меня, что у вас тут сплошь "помойки"? – подумал он. – Тоже мне, инофирма, блядь! Холдинг-шмолдинг, еб твою мать!"

Впрочем, выход был – встать и уйти. Можно даже сейчас. Но опять начнутся эти резюме с неперенными словами "брендинг", "маркетинг", "позиционирование", "бюджетирование", от которых его тошнило. Опять агентства, собеседования, натянутые улыбки, ожидание ответов, отсутствие ответов. "Ладно, уйти можно в любой момент, – решил Коржик. – Вот если пойму, что здесь ловить совсем нечего – свалю на фиг".

9

После обеда Саша, «хранитель печатей», стал собираться.

– Не забыл? – спросил он у Коржика. – Сегодня едем в "Олимпик-пенту".

– Зачем?

– На презентацию нашего завода.

То, что у Толяна есть завод, Коржик знал давно. Хотя слово "есть" не вполне сюда подходило. У Толяна был не весь завод, а лишь блокирующий пакет акций, собранный непосильным трудом и с помощью многих партнеров. Но в умелых руках и он давал ощутимое влияние на производство.

– Почему я об этом не знал? – спросил Коржик.

– Так объявляли же еще месяц назад.

Коржик успокоился. Месяц назад он здесь еще не работал. Он ходил по агентствам и заполнял дурацкие анкеты про опыт работы.

Саша подхватил круглый красный баул из кожзама, похожий на баллон сжиженного газа.

– Пойдем, машина ждет.

Он заспешил вниз по ступенькам. Видно было, что куль тяжелый, но двигался Саша проворно и Коржик не стал предлагать помощь. "Еще чего, – подумал он. – Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак". Сейчас начальником был он.

Фазиль, водитель Толяна, ждал их во дворе. Толян уже был в "Пенте", а машину прислал за ними. Лариса не поехала, сославшись на занятость. Вместо нее в машину села Александра.

Водил Фазиль классно, как и подобает профессионалу. Ни тебе внезапных торможений, ни резких ускорений. Несмотря на обилие транспорта, машина шла мягко и плавно. Если закрыть глаза, начинало казаться, что ты и не в машине вовсе, а в лодке на пруду тихим вечером.

Коржик сидел на переднем сидении. Левый бок у Фазиля оттопыривался. Там под курткой висел пневматический "Макар" в желтой кобуре. Он как-то показывал его Коржику. Чучельный пистолет, а весит как настоящий – почти килограмм. У Коржика когда-то тоже был похожий, только газовый, но он быстро его продал. Ему не нравилось таскать с собой тяжести.

– Хорошо вам, – с завистью сказал Фазиль.

– Почему?

– Напьетесь на презентации.

– Там еще и выпивка будет? – удивился Коржик.

– А как же! Шеф заказал малый зал в ресторане.

Коржик в "Пенте" раньше не бывал и ему рассказали, что там много ресторанов, никак не меньше трех. В этот раз туда были приглашены все крупные металлоторговцы.

Сама "Пента" впечатления на Коржика не произвела. Гостиница как гостиница, довольно задрипанная, три с половиной звезды максимум. Но везде шла суeta презентаций и конференций. Похоже, основной доход здесь получали именно от них и от последующих банкетов.

Саша смонтировал из содержимого баула большой трубчатый стенд с цветной фотографией Толянового завода. Александра разложила на столах буклеты.

– А крупный завод-то? – спросил Коржик.

– Я не был, – ответил Саша, – но говорят, что на фотографии уместилась его основная часть.

На снимке был изображен цех площадью тысяч десять-пятнадцать квадратных метров с линией сварки труб. Во все стороны летели искры. "Завод, стало быть, небольшой, – понял Коржик. – Но линия хорошая, судя по надписям, немецкая".

Стали подтягиваться гости. Все были похожи на снабженцев из старых фильмов, только изрядно растолстевших.

К Коржику подлетел Толян.

– Знакомься со всеми, – сказал он, – потом пригодится.

Первым слово взял Толян. Он долго и обстоятельно расписывал достоинства своей продукции. Сказал, что покупать трубы следует через него, потому что завод в Сибири, а они, его торговый дом – в Москве. Цена будет одинаковой, а скорость сделки возрастет.

Журналисты из журнала "Металлоснабжение" фотографировали его на фоне стенда со снимком завода.

Потом краткую речь произнес сын настоящего владельца завода – высокий сутулый парень. Он по этому случаю специально прилетел в Москву. Говорил он невыразительно и вяло. Чувствовалось, что у него нет никакой заинтересованности в происходящем и он смотрит на Толяна как на досадную помеху, от которой нельзя избавиться и с которой приходится считаться. Его откровенно скучающий вид говорил о том, что считаться будут не слишком.

Гости начали задавать вопросы. Отвечали поочередно то Толян, то сын владельца. Одновременно начался обмен визитками. Коржик включился в процесс и вскоре его нагрудный карман оттопыривался от пачки разноцветных карточек директоров металлобаз. Ему было непонятно, как он, специалист по ценным бумагам, сможет их использовать в дальнейшем.

Вопросы иссякли и все плавно перетекли в ресторан на фуршет. Эта часть презентации интересовала всех гораздо больше. Многие снабженцы были знакомы друг с другом раньше и с ходу начали общаться на когда-то недоговоренные темы.

– Ты давно работаешь у Толяна? – спросил Коржик у Саши.

– Больше года.

– И как?

– Вроде, ничего, – осторожно ответил тот.

– А с ним можно замутить бизнес?

– У меня не получилось.

Коржика ответ не обескуражил. "У тебя не получилось, – подумал он, – а у меня получится". В голове уже вовсю бурлили пары красных французских вин и коньяков, жизнь казалась прекрасной. И закуска была хороша.

Он оглянулся по сторонам. Баб не было совсем, если не считать Александру, одни только толстые снабженцы. Официантки попрятались. Толян куда-то пропал. Александра не вызывала у него вообще никаких эмоций. Коржик выбрал группу снабженцев, которая травил анекдоты, и присоединился к ней. Сюда же подтянулся и Саша. По мере опьянения он стал более словоохотливым и рассказал Коржику, что раньше работал в российском посольстве в Тегеране. "Интересная тема, – подумал Коржик уже зыбким рассудком. – Надо бы обмозговать ее на досуге".

10

В коридоре раздался громкий неприятный смех. Как будто кто-то царапал гвоздем по стеклу и усиливал звук через динамики. С похмелья это вызвало бы тошноту.

Коржик поднял голову. В кабинет Толяна прошел высокий худой человек лет тридцати пяти в сопровождении Ларисы. Он смеялся над какой-то ее шуткой. Раньше Коржик его не видел. Такой смех вполне мог бы быть у вампира в черном плаще с красным подбоем в фильме ужасов.

Вскоре Лариса вышла, а незнакомец остался в кабинете.

– Кто это? – спросил Коржик.

– Полторацкий, – ответила Лариса, – наш партнер.

– Мелодичный смех, – заметил Коржик, – как колокольчик.

– Да уж, – согласилась она, – аж уши болят.

- И у меня. Наверное, он смеется ультразвуком.
- Возможно. Но человек он хороший.
- И чем же?
- Он дает нам объем работ.
- Как это?
- Что-то вроде субподряда.
- Тогда пусть смеется, – разрешил Коржик. – А за работы?
- Скоро Анатолий тебе сам все расскажет.

Когда Полторацкий ушел, Толян позвал в кабинет Ларису и Коржика.

– Мы выиграли тендер по поставке труб и цемента для нефтяников, – объявил он. – Объемы большие. Нужно этим заняться.

Объяснял Толян плохо. Четкое и ясное изложение мыслей давалось ему с трудом. Вернее, вообще не давалось. Соображал он очень быстро, но рассказать о том, что сообразил, почти не мог. Приходилось тащить из него все слова словно клещами. Коржик еще не привык к этой его особенности и часто попадал впросак.

- Ну, трубы у нас есть, – сказал он, – осталось найти цемент.
- Труб у нас нет, – поправил Толян.
- А завод?
- Он производит не те трубы. Нужны цельнотянутые, а завод делает сварные.
- А поменяться ни с кем нельзя?
- Вот этим ты и займешься. Наверняка, можно. Изучи рынок.
- Ладно. А цемент?
- С цементом сложнее. Нужно искать лежащее предприятие и вдохнуть в него жизнь.
- Как?
- Финансами.
- Не вопрос – были бы деньги, – Коржик был полон энтузиазма.
- Но это не все.
- А что еще?
- Цементный завод должен быть как можно ближе к нефтяникам, а то тариф за железнодорожную дорогу съест всю прибыль.
- Цемент тоже мой?

Толян кивнул.

- Мне нужны будут помощники, – сказал Коржик.
- Возьмешь Сашу Шлыкова. Еще одного человека мы примем специально на трубы – с металлургическим образованием и связями в этой сфере.

Он повернулся к Ларисе.

- Свяжись с агентствами, пусть подбирают кандидатов.

Лариса кивнула.

– Все, приступай. График поставок и объемы здесь, – он передал Коржику несколько листов. – И обзвони людей с презентации, может, что-нибудь найдешь у них.

11

На самом деле тендер выиграл Полторацкий. Кто-то из его приятелей работал в нефтяной компании и помог все устроить. Но ни цемента, ни труб у Полторацкого не было, и он не знал, где их взять. А если и знал, то не хотел этим заниматься. По этой причине он передал контракт Толяну. Тот заверил, что раз у него есть завод, то вопрос с трубами он как-нибудь решит, а уж с цементом – и подавно. Толян соврал – трубы с его завода не годились, а цемента у него отродясь не было. Но он решил, что после презентации завода в "Пенте"

обладает достаточными связями. И то, и другое он скинул на Коржика. Это помимо обязанностей заместителя финансового директора, которых, по правде сказать, оказалось немного, потому что фирма была левая, отчетов не сдавала и налогов не платила.

То, как Толян устроил все с налогами, вызывало восхищение Коржика. Раз налоговая наглеет и берет за горло, – решил Толян, – хрен ей в сумку – вообще ничего не получит.

В то время, когда законопослушные предприниматели пыхтели и исправно перечисляли все платежи, штрафы и пени, давали взятки и всячески ублажали толстых налоговых инспекторов, Толян просто исчез из поля зрения фискальных органов. Офис он арендовал как частное лицо и не на свое имя. По документам это был не офис, а большая квартира. Все важные договора подписывал от имени своего кипрского оффшора. Для платежей открыл счет физического лица в литовском банке и дал ему кодовое название "Марс". А в России открыл ТОО "Марс" с вечно нулевым балансом и подставным директором. Зарегистрировал его в глубокой провинции. Деньги по договорам, которые в России заключало ТОО "Марс", уходили на счет клиента "Марс" в Литву, откуда Толян рассылал их кому нужно и за что требуется.

Схема работала без сбоев. Для откровенной прокачки денег, Толян еще покупал фирмы-однодневки, а то и вовсе заказывал фальшивые печати с первым пришедшим на ум словом. Так и накопилось в коробке за подвесным потолком больше двадцати "колотушек". Налоговики просто не предполагали, что есть предприниматели, способные на такую наглость. Но они существовали, и Толян был одним из них.

Таких квартир в центре Москвы существовало множество и никто не знал, что находится за очередной обшарпанной дверью – жилье или офис. А если офис, то какой – законопослушный или левый.

Как человек, достаточно натерпевшийся в свое время от беспредела налоговиков, Коржик только одобрял такое ведение бизнеса, но как клерк, желавший получить официальную должность и нормальную запись в трудовой – нет. Однако, выбирать не приходилось.

Он стал искать трубы. Все толстожопые снабженцы, бывшие на презентации, выкапывали цены со своими накрутками при которых поставки нефтяникам теряли всякий смысл. "Зря мы их поили", – подумал Коржик. Один из снабженцев, оказавшийся слегка больным на голову, после того как Коржик отказался от его предложения, позвонил Толяну и пожаловался, что он дал Коржику очень хорошие цены, а тот не хочет их брать. А он уже зарезервировал трубы на заводе и по этой причине несет убытки

Толян прибежал к Коржику.

– Чего он хочет? Поговори с ним.

– Как его зовут?

– Игорь Петрович.

Коржик взял трубку и услышал довольно неприятный скрипучий голос,

– А, Игорь Петрович! – развязно сказал он. – Сколько лет, сколько зим!

Игорь Петрович напрягся и сурово ответил.

– Ни одного лета, ни одной зимы.

– Возможно, – согласился Коржик. – Ну, так что же вы хотели?

Игорь Петрович пересказал Коржику свое видение истории с трубами.

– Не так все было, – мягко поправил его Коржик. – Вы все перепутали. Не просил я вас резервировать трубы. Я только сказал, что подумаю. А подумав решил, что брать не буду.

– Почему?

– Потому что у вас офигенные цены.

– У нас нормальные цены! – обиделся Игорь Петрович. – И я настаиваю, что вы зарезервировали.

– Ну, насчет цен – это, что называется «обдур прохождение», – ответил Коржик. – Я вам не лох, чтобы брать по таким ценам. А насчет резервирования – вы можете это доказать?

Пауза.

– Нет.

– Мы с вами что-нибудь подписывали?

– Нет.

– Все, друг мой, до свидания! Будут деньги – заходи.

Коржик положил трубку. Толян, стоявший рядом, одобрительно хмыкнул. Офисные тетki смеялись. .

– Ты действительно не просил зарезервировать трубы? – спросил Толян.

– Абсолютно! – заверил его Коржик на голубом глазу.

На самом деле он этого уже не помнил – так много металлоторговцев он обзвонил. Ну, может, и просил. Но это только от того, что не разобрался тогда в ценах. А когда понял – ничего другого не оставалось, как отказаться.

Трубы нужны были срочно и задешево. Коржик стал звонить на заводы, но нужных цен и там не оказалось. Цены были лишь слегка дешевле, чем в Москве. Относительно дешево стоили лежалые и некондиционные трубы. Первые можно было найти в госрезерве, а вторые – у провинциальных дилеров.

К некондиционным относились трубы не круглого, а немного эллипсного сечения, приплюснутые с боков, а также укороченной длины – пять метров вместо положенных семи с половиной. Для Коржика годились те и те.

Он стал искать дилеров в провинции, и тут дело сдвинулось. Ему активно помогал Саша, а потом приняли еще и Субботина, который был профессиональным металлургом – имел диплом института стали и сплавов, и работал раньше в Министерстве черной металлургии. Но на деле все это оказалось не важно. Только и того, что он знал технологический процесс, но хрен ли с того? Дешевых труб от этого больше не стало.

Из всех, кто был на презентации, действительно полезным оказался лишь один трейдер из Белгорода. Он отгрузил Коржику львиную долю продукции по нормальным ценам. За первую партию Толян заплатил ему наличкой, а вторую получил в долг и долго не отдавал деньги. У него как раз возникла срочная потребность в другом месте и все деньги уходили туда. Белгородский трейдер оборвал все телефоны Толяного офиса. Он слал факсы и мейлы. Коржик ничем не мог ему помочь – денег не было совсем. Пару раз Лариса отправляла в Белгород фальшивые платежки и трейдер, в изнеможении, затихал. Но деньги по ним не поступали, и вскоре все начиналось сначала. Наконец, белгородец явился в Москву лично. Был он настроен решительно и его сопровождал двухметровый охранник в бронежилете под пиджаком. Коржик пожал руку ему, а затем не представленному охраннику. Тот ответил на рукопожатие весьма неохотно – ему требовалось все время иметь свободные руки, чтобы защищать хозяина, если чего – выхватить пистолет, там, или, взяв его на руки, выпрыгнуть в окно, а в офис бросить гранату.

Белгородец огляделся.

– Хорошо вы тут устроились, – критически заметил он. – Никто о вас не знает. Налоги, наверняка, не платите.

Толян состроил гримасу и промолчал. Он понял, что после столь прозрачных намеков нужно будет заплатить.

Накануне Толян принес откуда-то вексель крупного и надежного банка на большую сумму. Бумага предназначалась для других целей. Но сейчас у него больше ничего не было. Срок платежа по векселю наступал через два месяца. Его рыночная цена была равна восьмидесяти процентам от номинала. Белгородец, измученный ожиданием, согласился принять его за сто процентов. Это послужило Толяну некоторым утешением.

Когда незваные гости ушли, Толян сказал Коржику.

– Найди мне еще таких бумаг.

– А деньги?

– Деньги будут – ты найди.

Коржик нашел, но денег опять не оказалось.

Другой крупный поставщик труб был из Челябинска. Он тоже имел неосторожность отгрузить Толяну трубы в долг и потом получал деньги мелкими частями в течение полугода.

У него была другая тактика востребования долга. Он звонил через день и пытался разжалобить Коржика и Ларису рассказами о том, как ему достается от партнеров, которым он не платит, потому что Толян не платит ему. Он говорил, что ходит в синяках и ссадина. В переносном, конечно, смысле. Лариса смахивала набежавшую слезу и слала ему очередной крохотный платеж, который отрывала от других платежей.

Коржик сутками висел на телефоне, обзванивая страну в поисках дешевых труб.

Но не только Толян кидал – кидали и его. Один из поставщиков прислал явный брак – трубы очень уж эллипсного сечения, которые невозможно было приварить встык к круглым трубам. Нефтяники долго с ними мучились, а потом вызвали представителя Толяна, чтобы составить акт. Полетел Субботин. Трубы кое-как приняли, но вскоре к Толяну заявился их начальник снабжения, чтобы получить взятку за прием бракованных труб.

Еще один поставщик насовал в вагон бзушных и лежалых труб вместе с новыми, и их забраковали. Толян не стал платить ему за брак.

Полезь от презентации все-таки была – без нее трубы в долг просто не дали бы.

12

В комнате кроме Коржика сидели еще трое – Лариса, Лена и Александра. Бабье царство. И разговоры были соответствующие.

– Александра, – спрашивала Лариса, одним глазом косясь в компьютер, – а как дела у твоего папы?

– Вроде, ничего. Звонил недавно – все в порядке.

– Сколько ему еще там оставаться?

– Через два месяца контракт заканчивается?

– Будет продлевать?

– Если предложат.

– А с языком у него как?

– Уже почти нормально. Но все равно, он говорит, что когда студенты задают вопросы, ему трудно сразу понять, чего они хотят. Они это видят и отпускают шуточки.

– А где он работает? – не выдержал Коржик.

– Читает лекции в Америке.

– По какому предмету?

– Авиастроение. Он конструктор вертолетов.

– Ты не собираешься его навестить? – опять спросила Лариса.

– Через месяц поеду. Он уже и приглашение прислал. Пойду завтра в посольство за визой.

– А у меня брат там, – вставила Лариса.

– И кем он работает? – спросила Александра.

– Программистом в финансовой компании.

– Давно?

– Лет пять.

– Будет возвращаться?

– Нет. Недавно грин-карту получил. Прислал мне доверенность на продажу квартиры.

– А там где живет?

– Снимает пока. Будет покупать дом.

Звонит телефон. Александра поднимает трубку и беседа прерывается.

К Ларисе заходит Фазиль за деньгами на бензин. Она звенит ключами и открывает сейф. По сути дела, это не сейф, а так – железный ящик. Двери плоские, замок простой. Толяну жалко денег на настоящий сейф с дисковым замком и толстыми стенками. Да он особо и не нужен. Его бизнес устроен так, что крупные суммы в сейфе не задерживаются. Стоит деньгам появиться, как тут же выстраивается очередь из тех, кому они просто позарез были нужны еще позавчера. Первым в ней чаще всего оказывается Шильдин, главный по строительству гостиницы, которая у Толяна в провинции.. У него как раз подошел контейнер из Франции, а другой готовится к отправке. Он считает пачки в пояс-кошелек и довольный уходит. За ним тянутся самые разнообразные личности, чаще всего никому в офисе не известные, и догребают остатки. К вечеру сейф становится еще более пустым, чем был накануне.

Хоть эти деньги и не имели к Коржику никакого отношения, но опустошение сейфа происходило у него на глазах и в нем просыпалась ревность. Он чувствовал, что получившие их люди тем или иным способом украдут значительную их часть и прикроются липовыми счетами и накладными, которые продаются на любом углу по три штуки на рупь. Ему тоже хотелось запустить руки в сейф, да было не подобраться. Даже несколько метров трубы или мешок цемента он не мог украсть, потому что физически их здесь не было. Их только отгружали где-то по его заявкам и в другом месте получали. А он сидел здесь. А время шло. Половина Москвы воровала где только можно и всеми мыслимыми способами. Только он все время был где-то не там. Ни продвижения, ни комиссионных, ни откатов. Что за жизнь, блядь, такая?

Телефонные звонки стихли и опять начался бабский треп. Теперь Лена и Лариса обсуждали вопросы ремонта. Лариса уже ремонт начала, а Лена только собиралась. Стали сравнивать натяжные потолки, обои, ламинат и прочую лабуду. Сам собой разговор перекинулся на дачи.

– Чем лучше покрасить деревянный домик? – спросила Лена.

На ороге вырос Петров.

– Пиносолом! – с ходу включился он в беседу. – Только надо смотреть, чтобы он был финский, а не наш. Наш – дерьмо.

Петров сидел в другом кабинете, а сюда заходил потрепаться. Он был давним знакомым Ларисы и Лены. Лариса и привела его сюда по старой памяти.

Петров был старше всех в офисе, годиков пятидесяти с лишним, но выглядел живчиком. Бегал на лыжах, купался в проруби и исповедовал учение Порфирия Иванова. Он никогда не был женат.

Как то повариха Зоя спросила у Лены, когда Петрова не было в комнате.

– Он не женат?

– Нет.

И тут Коржик неудачно пошутил.

– Кино "Один дома" видела? – не удержался он. – Это про Петрова.

Лена посмотрела на него укоризненно.

– Ты зря веселишься – это не смешно.

– Это трагедия, – добавила Зоя.

Коржик не стал с ними спорить. "Не знаю, в чем тут трагедия, – подумал он. – Человек прожил жизнь в свое удовольствие, катается на лыжах, выглядит как огурец, никто ему не проедал плешь и не ныл каждый день, что нужны деньги. Наверняка, он перетрахал за это

время сотни баб – и они называют это трагедией! Да трагедия, черт возьми, – это жизнь женатого мужика, особенно, если жена садится ему на шею!"

Вместе с Петровым тетки еще долго обсуждали достоинства разных видов пиносола.

Коржик не хотел этого слышать и он сделал радио погромче, но там так утробно завывала Савичева, что лучше уж пиносол. Так иногда весной орал его кот. У него получался совершенно особенный звук, похожий на сирену воздушной тревоги. Казалось, что образовывался он не в горле, а где-то в животе, и выходил сразу из пасти и из-под хвоста. Очень сильный был звук.

Бабский треп продолжался, от него было не скрыться. Можно было бы пойти на лестницу покурить, но Коржик не курил. Спасением для него оставался интернет. Но треп не давал сосредоточиться. При таком шуме нормально воспринималась только "информация" с порносайтов, но от них уже тошнило. Разглядывание вторичных половых признаков на экране монитора его интрновало мало.

Наконец, пришло время обеда. Снизу позвонила повариха и попросила кого-нибудь спуститься за тележкой с едой. Обычно это входило в обязанности Андрюхи – высокого парня с пони-тейлом. Кажется, у него других обязанностей и не существовало. Он был самым накачанным и самым незанятым. Внешне он походил на байкера, случайно зашедшего в офис попить воды. Он вполне мог бы сыграть роль в одном из тех фильмов, где банда на мотоциклах терроризирует маленький городок, и стреляют в полицейских из обрезов.

Треп переместился на кухню. Коржику не хотелось слушать его продолжение за обеденным столом и он ушел с тарелкой на рабочее место, чтобы хоть полчаса побыть в тишине и одиночестве. Он подумал, что месяца три запросто мог бы ни с кем не разговаривать и никого не слышать.

После обеда все вернулись обратно. Опять начались звонки, кто-то пришел, кто-то ушел, пришел другой, треп то вспыхивал с новой силой, то затихал. Помыв посуду, пришла пообщаться повариха. Она была толстой, доброй и неторопливой. С утра она стояла дома на кухне и готовила еду на два офиса. В один тележку повез ее муж, а в другой – она. Ее труды на сегодня закончены. Она пришла спросить у Ларисы, что готовить завтра и взять денег на закупку продуктов. Потом она как-то незаметно начала рассказывать о муже и детях. Об отдыхе у родственников на море. О том, что по утрам ей не дает спать звук колокола от храма, рядом с которым она живет. Что она крутит тренажер для похудения, но что-то эффекта все нет и нет.

Коржику опять было некуда деться и ему пришлось все это слушать. Порой ему казалось, что он стал членом семей всех этих женщин, так много он уже знал о них, их детях, их мужьях, кошках и собаках. Доведись ему побывать у них в гостях, он смог бы без труда общаться с каждым на интересующие того темы.

Огромный массив этих знаний был ему абсолютно не нужен. Он не хотел знать ничего ни об одной из них, а тем более об их семьях. Ему казалось, что он женат на каждой. Что он женат на всей конторе, на всех бабах и мужиках, которые здесь работают. На соседской кошке, которая прыгает в форточку и лазит по кухне. На продавщице лотерей, которая целыми днями орет под окном в мегафон. На тараканах, которые прячутся за газовой колонкой. На кришнаитах, которые ежедневно ходят мимо с песнями и плясками.

Он не хотел их видеть, но видел каждый день. Он не хотел их слышать, но слушал постоянно. Он не хотел с ними пить, но посещал все офисные вечеринки. Все его дружеские чувства к ним были наиграны, улыбки фальшивы, а слова неискренни. Он не понимал, почему он должен проводить с ними дни, недели и месяцы своей быстротечной жизни. Порой ему казалось, что единственное, что он чувствует к ним – это ненависть. За то, что они есть, маячат перед глазами и от них никуда не скрыться.

И, похоже, это чувство было взаимным.

13

Приближался главный праздник всех клерков.

– Скоро у Анатолия Петровича день рождения, – возвестила Лариса. – Нужно подумать о подарке.

Коржик не любил офисные дни рождения. Они всегда были пропитаны фальшью. На самом деле все готовы были сожрать друг друга с потрохами, но притворно улыбались и поздравляли с датой. Будь его воля, он бы их не отмечал. Но Толяна надо было уважить.

– У кого есть идеи насчет подарка? – спросила Лариса.

– Дорог не подарок, – сказал Коржик.

– Это понятно. А все-таки?

– А что ему дарили раньше?

– В прошлый раз мы заказали художнику шарж по его фотографии.

– Какому художнику?

– На Арбате.

– И как?

– Он обиделся.

– Может, художник попался не тот?

– Скорее, начальник, – сказала Лариса, – ему трудно угодить.

– Тогда лучше ничего не дарить, – посоветовал Коржик.

– Тоже нельзя. Всех поздравляли – и его нужно.

Лариса посмотрела на Коржика с надеждой во взгляде и он понял, что придется заниматься подарком.

Началось обсуждение, хотя обсуждать особо было нечего. Все вертелось вокруг ручек, письменных приборов и всякой настольной лабуды. Той, что дергается, тикает, пускает цветные пузыри или крутится. Ну и еще годились всякие штуки из кожи канцелярской направленности.

На поиски Лариса отрядила Коржика, в помощь ему дала Лену. Они бродили по Тверской от одной сувенирной лавки до другой. Потом поехали на Арбат. Выбирали долго и придирчиво, как будто от этого зависело что-то очень важное. Звонили Ларисе, советовались, опять выбирали, опять звонили.

Вскоре процесс Коржику надоел.

– Давай уже купим хоть что-нибудь, – предложил он Лене, – и покончим с этим делом.

Лена согласилась. Коржику было чертовски жаль времени, затрачиваемого на это ничемное занятие. Сейчас он мог бы рыскать по рынку и зарабатывать деньги, а он тратил его на нечто бессмысленное и бесполезное. При очередном звонке в офис Лариса почувствовала в его голосе усталость и раздражение.

– Ладно, покупайте, что хотите, – согласилась она.

Коржик решил купить кожаную папку. Все равно у Толяна не было ничего такого, а ежедневник он носил в руках. Он бы и себе такую купил.

Вопреки ожиданиям, никаких особых торжеств в знаменательный день в офисе не было. Ни цыганского хора, ни стриптизерш. Не было даже еды из ресторана с их халдеями за спиной. Толян влетел в обед в офис с несколькими бутылками шампанского и "Бейлиса" в руках, которые все и выпили за обедом, говоря ему грубую лесть, лучшую, как известно, из всех видов лести. Каждый лстящий надеялся, что ему зачтется в будущем.

Шампанское было отнюдь не французским, а самым обычным ситром московского разлива. А "Бейлис" оказался с белыми хлопьями. Коржик знал, что это за хлопья. Они появляются после истечения срока годности. Сливки и алкоголь больше не хотят сосуществовать

вместе и расходятся. Такой ликер супермаркеты продают вдвое дешевле, хотя должны снимать с продажи вообще. Коржик не рискнул его пить, а народ налегал вовсю, особенно Саша.

– Ты смотри, осторожнее с этим, – предупредил его Коржик, кивнув на "Бейлис".

– Ничего, – махнул тот рукой, – переварится.

На следующий день он пришел бледный и совсем больной.

– Перебрал? – спросил Коржик. – Может, по пиву?

– Какому пиву? – простонал тот. – Отравился вчера, блевал всю ночь.

– Чем отравился?

– Не знаю, – скривился Саша, – наверное, "Бейлисом".

Подарок от офиса Толяну не понравился. Он с недоумением повертел в руках черную кожаную папку и сказал.

– Это же надо было заметить.

В том смысле, что у него нет ни портфеля, ни барсетки, ни папки. Все посмотрели на Коржика укоризненно – не смог купить подарок, который понравился бы нашему дорогому любимому шефу.

Коржик про себя решил, что больше никогда не станет выбирать подарки начальникам. Пусть дарят, что хотят.

Партнеры подарили Толяну бронзового носорога с каменным шаром на спине и малахитовый письменный прибор. Эти подарки понравились тому значительно больше. Он водрузил их на свой огромный письменный стол и временами даже задумчиво вертел в руках шар со спины носорога. А кожаная папка сразу отправилась в шкаф. Коржик видел ее под мышкой у Толяна лишь несколько раз. Потом тот то ли забыл ее где-то, то ли отдал кому-то. А через несколько месяцев и бегемот с прибором исчезли со стола. Похоже, Толян не любил вообще никаких подарков.

14

Как-то Коржику позвонил Овсянников.

– Ты сейчас где?

– В Улан-Уде, – буркнул тот.

У него не было с утра настроения.

– Я серьезно.

– На работе.

– А у тебя денежная фирма?

– Сравнительно, – соврал Коржик.

– Твой начальник не хочет замутировать строительный бизнес?

– Что нужно строить?

– Коттеджный поселок.

– То есть?

– Ну, продается хороший участок земли. Бывший пионерский лагерь. Лес, коммуникации, озеро, все дела.

– А далеко?

– Сорок километров по Новорижскому шоссе.

– А цена?

– Нормальная.

Он назвал цифру. Цена и впрямь была неплохой. Не дешевой, но и не дорогой. Как раз такой, которая не вызывает подозрений.

– Надо бы посмотреть, – неуверенно сказал Коржик. Его уже начал интересовать проект.

– Завтра я за тобой заеду.

Овсянников был его старым приятелем. Раньше он служил шпионом на Ближнем Востоке и по этой причине ничего о своем прошлом не рассказывал. Коржик много раз за выпивкой пытался его расспросить о тех временах, но он молчал, как глухонемой под водой. Вот он, мол, такой, как есть – зародился в Москве в возрасте сорока пяти лет и ничего о себе не помнит, кроме имени. Коржик даже не знал, какое у него образование. Зато на руке у Овсянникова красовались швейцарские часы с маленьким золотым профилем Саддама на циферблате. Коржик слышал, что такие часы Хуссейн дарил советским военным советникам.

Сейчас Овсянников занимался недвижимостью – продавал земельные участки за городом. От него Коржик и знал, как обстоят дела на этом рынке. Земля вокруг Москвы стремительно дорожала, коттеджи раскупались и хороший земельный участок мог быть неплохим предложением для Толяна.

На следующее утро Коржик сидел в машине Овсянникова, которая мчалась по Новорижскому шоссе. Это шоссе – лучшее из всех, которые расходятся от Москвы. Оно самое широкое и проложено так, что не пересекается с другими дорогами и не проходит через населенные пункты. Ехать по нему – одно удовольствие. Оно считается вторым по престижности для дач после Рублевки.

Возле пирамиды, построенной инженером Голодом, Овсянников спросил.

– Не хочешь постоять внутри?

– Зачем?

– Говорят, так заряжаешься энергией из космоса.

– Мне бы зарядиться деньгами с земли.

Тот засмеялся.

– Тоже верно. Ладно, вот продадим участок – заработаем не хило.

Коржик промолчал. Он не любил такие разговоры. Продадим – не продадим. Хрен зажарим и съедим. Чего болтать? Надеемся на лучшее, но будь готов к худшему. И помалкивай.

Овсянников недавно женился в первый раз. У него была молодая жена и маленький ребенок. Интересно, жена тоже была шпионкой? Кем-то вроде радистки Кэт из фильма про Штирлица? И он ее вынес на себе из арабского окружения?

Овсянников хорошо погулял за свою жизнь и любил об это повспоминать.

Но базар фильтровал тщательно и никогда в этих рассказах не фигурировали восточные женщины – только наши и в Москве. Вот и сейчас он начал одну из своих баек.

– Встретил тут недавно старую знакомую, – сказал он. – Лет пятнадцать не виделись. Она меня забыла начисто, а я ее – нет.

"Еще бы, – подумал Коржик, – вас же учили ничего не забывать.

– Я ей и говорю, что мы с вами, мол, знакомы, – продолжал Овсянников. – А она не врубается. А я помню, что она минет любила. И думаю – хрен, что ли, ей показать? Может, тогда быстрее вспомнит?

Он сам рассмеялся своей шутке. Коржика раздражали эти байки старого павиана. "Нужен ей больно твой вялый хрен", – подумал он.

– Ну, и показал бы, – сказал он мрачно.

Овсянников опять захохотал, запрокинув голову.

– В следующий раз – непременно.

Вскоре они добрались до места. Действительно, лагерь выглядел привлекательно. От шоссе недалеко, подъезд хороший, на территории сосны, переходящие в лес, электричество подведено, вода своя.

Ворота были открыты и они заехали на территорию беспрепятственно. В лагере никого не оказалось. Здесь давно уже никто не отдыхал. Раньше лагерь принадлежал московской швейной фабрике. Фабрику обанкротили еще в середине девяностых. Новый собственник держал его для каких-то своих целей, но теперь решил продать.

Они долго искали сторожа и бродили по лагерю. Все постройки были целыми, хотя и в запущенном состоянии. Сторожа не было. Тогда территорию стал показывать Овсянников. Он шел, не разбирая дороги. Трава была не скошена и через несколько минут брюки у Коржика стали мокрыми почти до колен, а туфли – словно только что вынутыми из воды. Овсянников потащил Коржика в лес, чтобы показать озеро. Лес был густым и запущенным, ветки лезли прямо в глаза, и приходилось сильно нагибать голову, чтобы не лишиться зрения. За несколькими рядами сосен открылось озеро. Оно было покрыто зеленой тиной. Примерно возле такого же водоема плакала сестрица Аленушка за братцем Иванушкой на картине Васнецова. Коржик ни за что не стал бы тут купаться. Озеро годилось только для прогулок вокруг, ну и еще здесь мог бы ловить пиявок Дуремар. Было и другое озеро – еще меньше и еще зеленее. Коржик решил, что, рассказывая об участке Толяну, об озерах можно не упоминать.

Пригибаясь, они выбрались из леса и вернулись в лагерь. Навстречу им уже хромал сторож, сопровождаемый каким-то лысым мордоворотом. Похоже, по округе разнеслась весть о их приезде. Они смотрели на гостей настороженно. Подойдя ближе, сторож узнал Овсянникова, который уже сюда приезжал, и напряженность исчезла. Они обменялись рукопожатиями, завязался разговор. Мордоворот куда-то исчез за ненадобностью.

Сторож показал им котельную и с гордостью сказал, что ее можно запустить хоть сейчас. Котельная работала на угле, небольшая куча которого еще осталась у ее дверей. Газ нужно было тянуть за полтора километра. Получалось дорого, но если раскинуть стоимость прокладки на двадцать коттеджей, которые здесь можно построить, то терпимо.

Коржик сделал несколько снимков с видами лагеря и они поехали обратно. Дорога в этот раз показалась короче.

Овсянников довез Коржика до офиса и протянул прозрачную папку с документами.

- Когда ты поговоришь со своим начальником?
- При первой же возможности, – уклонился от конкретных сроков Коржик.
- Не тяни, этот лагерь я и другим предлагал.
- И что же они?
- Думают. Кто созреет первым, тому и достанется.

Остаток дня Коржик был занят составлением справки по лагерю для Толяна. На следующий день он выбрал момент и зашел к нему в кабинет. Толян только что положил трубку.

- Анатолий, есть деловое предложение, – сказал Коржик.
- Да? И какое же?
- Продается хороший участок под коттеджный поселок.
- Дешево?
- Нормально.
- Тогда в чем тут бизнес?

"Вот мутила, – подумал Коржик, предчувствуя отказ, – все бы тебе купить дешево, а продать дорого. Но есть же и другие способы заработать, неужели ты о них не знаешь? Например, взять по нормальной цене, улучшить качество и продать уже дороже".

- Построить коттеджи и продать, – сказал он.
- Сережа, – возразил Толян, – зачем нам лезть в бизнес, которого мы не знаем?
- А хрен ли там знать? Нужно только купить землю и нанять подрядчиков. Не бог весть, какая наука. Возьмем в штат несколько строителей и они все организуют.
- Это долго. А у меня длинных денег нет, все короткие.

Это была неправда. Длин деньги у Толяна были. Несколько его проектов безнадежно застряли на начальной стадии и было неизвестно, отобьются ли они вообще когда-нибудь.

– Это беспроектный вариант, – настаивал Коржик. – Давай съездим завтра и я тебе все покажу.

– Ну, давай, – нехотя согласился Толян.

– Отлично! – обрадовался Коржик. – Вот, кстати, и справка по этому лагерю

На следующий день они поехали смотреть лагерь на Толяновой машине. Коржик взял с собой Овсянникова. Толян сидел впереди, а он с Овсянниковым сзади. Всю дорогу Овсянников заливался соловьем, рассказывая, какие у него есть хорошие предложения земельных участков в разных местах.

Толян слушал вполуха. У него то и дело звонил телефон. Было видно, что болтовня Овсянникова ему мешает. Коржик толкнул Овсянникова коленом, чтобы тот заткнулся. Но Овсянников не понял и продолжал токовать с таким напором, будто это был последний клиент в его жизни.

Коржик и Овсянников водили Толяна по участку и изо всех сил старались расписать выгоду предложения. Оно действительно было неплохим. Но выгода его была не того рода, которую тот любил. Толян предпочитал, чтобы она была гарантированной и мгновенной. Партнеры говорили о нем, что из сладкого он выбирает самое сладкое – съедает на торте одни только розочки, а бисквит оставляет другим.

Толян ходил по участку и не проявлял особого интереса. Он ввязался бы в этот проект, если бы коттеджи можно было построить за одну ночь, а на утро – продать. Но процесс тут был длиною в год.

– А кто владелец земли? – спросил он на обратном пути.

Овсянников назвал фамилию и протянул ему листок с координатами. Коржику это не понравилось. Договора о комиссионных пока не было ни с одной из предполагаемых сторон. Овсянников совершенно зря решил, что если Коржик работает у Толяна, то он гарантирован от кидалова. Одно из другого совершенно не следовало. "Надо будет отчитать его за поспешность", – подумал Коржик с раздражением.

После поездки Толян молчал больше недели. Овсянников постоянно названивал Коржику.

– Он что-нибудь решил?

– Не знаю, – отвечал Коржик.

Овсянников тут же начинал длинный треп о том, как было бы замечательно продать этот участок и заработать много денег. Всякий раз Коржику стоило значительных усилий от него отвязаться. Наконец ему это надоело.

– Слушай, не трезвонь мне больше, – сказал он. – Когда появится информация, я тебе сам перезвоню.

Через неделю он зашел к Толяну.

– Ну, как там насчет участка? Ты звонил владельцу?

– Нет.

– А почему?

– Я навел справки – он бандит.

– Ну и что?

– Я с бандитами дел не веду.

– А какое это имеет значение? Ты покупаешь – он продает. Больше вы с ним не встречаетесь.

– Я с бандитами не работаю! – жестко повторил Толян.

Но Коржик точно знал, что это не так. "Не в бандите тут дело, – понял он. – Просто у тебя, дружок, денег нет ни фига, вот ты и придумываешь причины для отказа".

Еще один его проект отказался отклоненным. "Где же мне взять для него самое сладкое из сладкого?" – ломал он голову.

Через месяц участок купили и на нем начали что-то строить. Оценка Коржика оказалась правильной, но Толян не захотел влезать в этот бизнес.

15

Самыми толстыми женщинами в офисе были повариха и системная администраторша, которую все звали Компьютерная Лена, потому что была еще одна Лена – из бухгалтерии. Поварихе полнота полагалась по должности. Компьютерная же Лена, наоборот, по должности должна была бы быть худой. Но не была. И тем не менее, она довольно ловко лазила под столами, прокладывая сетевой кабель и заделывая разъемы.

Считалось, что компьютерная Лена – большой специалист своего дела. Такую репутацию ей создала Лариса, которая ее сюда и привела. В действительности же, она понимала в компьютерах не намного больше любого другого.

Компьютерная Лена время от времени ездила в Европу по каким-то своим надобностям, типа навестить родственников, но всем говорила, что ее приглашают на большие компьютерные тусовки. Ей верили.

Была Лена довольно бестолковой и, как многие толстые женщины, любила создать проблему на ровном месте или поднять переполох из-за пустяка.

Как-то ей показалось, что кто-то скопировал базу данных с сервера фирмы, который день и ночь пыхтел в маленькой каморке возле туалета. Она тут же сказала об этом Толяну. Тот всполошился и забегал по коридору. Ему уже мерещились чебурашки в масках из налоговой, которые под покровом ночи проникли в офис, скопировали базу и ушли по крышам, подобно китайским бойцам с мечами из сказочных фильмов.

– А ты точно знаешь, что данные скопировали? – спрашивал он у компьютерной Лены.

– Абсолютно! – твердо отвечала она.

Лена прямо-таки выросла на глазах от осознания собственной важности в этот момент. Теперь она напоминала уже не столько огромную плюшевую зверушку, которые производят иногда рехнувшиеся игрушечные фабрики, сколько Родину-мать с компьютером вместо меча в высоко поднятой руке.

– А как они проникли на сервер – по интернету или непосредственно? – упавшим голосом спрашивал Толян.

– Этого я пока не выяснила.

– А по чему это видно?

– По некоторым признакам, – загадочно ответила Лена, намекая на то, что Толяну все равно этого не понять.

Толян забегал еще быстрее. Он не знал, что делать: закрывать железную дверь на все засовы и ожидать ОМОН, срочно съезжать из офиса или стирать базу и сжигать фальшивые печати.

В этот день в Толянову контору никто не пришел. Никого не было и на следующий день. Через неделю все так же оставалось спокойно. И через месяц тоже. Все успокоились и поняли, что тревога была ложной. Но Компьютерную Лену даже не отчитали – так высок был ее авторитет, поддерживаемый Ларисой.

Однажды в период затишья Коржик стал вести на рабочем компьютере дневник на английском. Просто так, чтобы не забыть язык. В Толяновой фирме он был не нужен. Здесь и русский-то не требовался в полном объеме. Вполне хватало слов триста-четырееста.

Потом Коржик решил перенести эти записи домой. Из носителей информации под рукой оказалась только древняя трехдюймовая дискета. Коржик скинул файл на нее и пол-

ностью стер в компьютере. Потом решил проверить, как он записался на дискете. Файл не открылся. Коржику стало жаль записей, которые копились больше месяца, и он понес дискету к Компьютерной Лене.

– Можно что-нибудь придумать? – спросил он.

Лена как-то очень уж проворно ухватила за дискету.

– Сейчас все сделаем! – радостно сказала она.

Это показалось Коржику подозрительным и он не выпустил дискету из рук.

– Ладно, – сказал он, – там не такая уж важная информация. Я передумал.

Но и Лена дискету не отпускала.

– Я открою, я знаю, как!

Коржик удивился такой настойчивости и укрепился в решении дискету не отдавать.

– Не нужно, забудь.

Но она не уступала.

– Зачем же тебе терять информацию, если можно ее сохранить?

Коржик опять дернул дискету к себе.

– Не волнуйся, все будет нормально, – продолжала настаивать Лена и еще крепче уцепилась за дискету.

"Вот курва, – подумал Коржик, – сейчас поломаст". Но не драться же с ней было. И отпустил.

Лена файл открыла.

А на следующий день Толян собрал всех по поводу безопасности и предупредил не делать рабочих записей там, где их не должно быть.

– Тут в одной фирме был случай, – сказал он, почему-то глядя на Коржика, – когда сотрудник вел дневник на рабочем компьютере, а потом жесткие диски изъяла налоговая и по его записям все раскрутила.

"Лена заложила, – понял Коржик. – Прочла, перевела и побежала к Толяну. Ну, не стерва ли?".

После собрания Субботин объявил.

– Знакомый банк загибается, распродает ноутбуки. Кому-нибудь надо?

Коржик дал ему деньги на ноутбук и сказал требуемые характеристики. Были и другие заказы. Поехала за ноутбуками и Лена. Оттуда она позвонила Коржику и сообщила, что требуемый ноутбук есть.

– Бери, – сказал он, – и посмотри, чтобы битых пикселей не было.

Когда Коржик включил привезенный ею ноутбук, то сразу увидел в БИОСе, что тактовая частота процессора гораздо ниже той, которую он просил.

– Лена, – сказал он подчеркнуто спокойным тоном, – здесь не тот процессор.

– Да нет – тот! – стала настаивать она.

– Вот же написано, – Коржик показал на экран.

– Они иногда сами не знают, что пишут, – выпалила она.

От такой крестьянской наглости Коржик онемел.

– Кто "они", Лена? БИОС – это не "они". БИОС – это базовая программа загрузки-выгрузки, зашитая в микросхему. Она, среди прочего, определяет тип процессора и его частоту.

– Я проверила – процессор тот, – тупо твердила Лена.

"Тебе бы в башку БИОС поставить, – подумал Коржик, – может, тогда ты стала бы что-нибудь понимать".

Коржик, Лариса и Шильдин пили чай на кухне. Лариса и Шильдин продолжали давно начатый разговор, а Коржик только что подошел.

– В Париже мне приходилось ночевать под мостом, – сообщил Шильдин.

– Да? – удивилась Лариса. – А почему?

– Денег не было, жил в машине, а у них это разрешается только под мостами.

Коржик молчал. Шильдин ему не нравился и он старался с ним не общаться.

Повидимому, это чувство было взаимным, потому что тот тоже Коржика не замечал. За все время они обменялись едва ли десятком слов, не считая приветствий. Шильдин был длиннообразым, носил козлиную бородку и всегда лукаво щурился.

– Машина-то хоть большая была? – сочувственно спросила Лариса. – Ноги мог вытянуть?

– Джип.

– А потом?

– Потом денег совсем не стало и мне пришлось продать костюм.

– Да ну!

– Да. Хороший костюм, между прочим. Стоил две тысячи франков, а я отдал за четверста. Почти новый, одел только два раза.

– Дешево, – с сожалением сказала Лариса. – Не жалко?

– Нет, – засмеялся Шильдин, – я еды купил.

Но по лицу было видно, что жаба за костюм душит его до сих пор.

– Как же так получилось?

– Работы не было. Как с "Радио "Свобода" уволили, пошел на стройку. А потом и стройка закончилась.

– А что ты делал на "Свободе"?

– Интервью брал у разных диссидентов. У Солженицина взял, когда он был в Париже.

– Его, кстати, вчера по телевизору показывали, – вспомнила Лариса. – Не смотрел?

– Я не смотрю телевизор.

– Почему?

– Я старовер, нам нельзя, – важно ответил Шильдин.

Коржик едва не поперхнулся чаем. Ну, прямо "православный казак Зильберович", как у Войновича! Он себя-то в зеркале видел? Посмотрел бы хоть раз, прежде чем такие байки травить.

Коржик тоже телевизор не смотрел, но совсем по другой причине – он считал, что тот уже давно превратился в средство манипуляции сознанием, а в свое сознание он не хотел допускать никого.

В первый рабочий день ему представили Шильдина как начальника строительного департамента. Весь департамент состоял из него самого, его помощника Володи с бородой до глаз и бригады гастарбайтеров, которая нанималась по мере надобности.

Была у Шильдина и какая-то своя фирмешка по ремонту квартир. Но основной доход он получал от Толяна. Он без конца достраивал и перестраивал его гостиницу в провинции, переделанную из старого садика. Утверждал сметы, закупал отделочные материалы и мебель во Франции, подолгу трепался по телефону фирмы и за ее счет на плохом французском со своим корешем в Марселе, который ему все эти контейнеры и набивал.

Коржик чувствовал в его деятельности большой дурёж Толяна, но ничего не мог поделать, проверить цены было невозможно. А Толяну, кажется, было все равно. Он экономил на протухшем "Бейлисе" и тут же тратил несоизмеримо больше на оплату контейнеров "старовера". В этом и были истоки неприязни Коржика к Шильдину – тот уже присосался к Толяну, а Коржик еще нет. Толян отклонял его предложения одно за другим, и ему оставалось только смотреть, как "старовер" набивает закрома, словно суслик в августе на пшеничном поле.

Шильдин построил дачу, сделал там бассейн и запустил черепах. Попросил гастарбайтеров-хохлов покормить их и те набросали туда хлеба и сала. Вода зацвела, черепахи впали в спячку и чуть не подохли. Шильдин очень возмущался по этому поводу.

Они с помощником купили дома в Черногории с видом на море и приносили показывать фотографии. Тетки смотрели и ахали. А хрен ли не ахать? От Черногорских пейзажей дух захватывает, это всем известно.

Коржик смотреть фотографии не пошел.

Они еще рассказывали, что слетать туда стоит совсем недорого – дорога в оба конца обходится «всего в триста евро на человека».

При всем при том оба отличались крайней скупостью. Они не ленились приезжать в головной офис на халявные обеды с другого конца Москвы, где и находился их "департамент" в каком-то подвале. Для визитов придумывались какие-нибудь благовидные предлоги, типа: "Надо было посмотреть в вашем настенном календаре, какое сегодня число. Заодно и пообедаем".

– Я тут одно мероприятие задумал, – сказал Шильдин Ларисе, но посмотрел почему-то на Коржика.

Коржик отвернулся.

– Да? И какое же? – спросила Лариса.

– Автобус покупаю в Лондоне двухэтажный. Сделаю из него в провинции передвижное кафе.

– Хорошая задумка! – одобрила Лариса.

Она прямо впитывала каждое слово Шильдина, как растрескавшаяся земля впитывает воду. Он ей нравился. Шильдин это видел и красовался перед ней изо всех сил. И Коржик ей нравился. "Интересно, кто из нас ей нравится больше? – подумал Коржик. – В данный момент, наверное, Шильдин, потому что она лишь изредка бросает взгляды на меня, а все остальное время не сводит глаз с него".

– Но сначала я хочу организовать на нем поездку сотрудников по Европе, – сказал Шильдин, – наблюдая за эффектом от произнесенного.

Он даже стал выше ростом и шире в плечах в этот момент, как будто сидел на коне и звал пешие народы за собой по Европе за свой счет.

– Вот только посадить за руль некого, – притворно вздохнул он. – Придется, наверное, самому.

– Здорово! – Лариса с детским восторгом захлопала в ладоши. – Ты просто молодец, Коля!

Шильдину казалось, что в этот момент он уничтожил Коржика, сжег дотла и пепел развеял по ветру. Он ждал от Коржика вопросов, на которые он отвечал бы с высокомерной снисходительностью богатого родственника. Он так запланировал. Но Коржик лишь слегка улыбнулся и промолчал. Он вспомнил недавнюю историю, когда с офисом Шильдина почти две недели не было связи по городскому телефону и им нельзя было отправить ничего по факсу. В их радиотелефоне сдохла батарея и никто из них не захотел покупать ее за свои деньги. В конце концов, батарею купила Лариса.

– Неужели вы не могли купить ее сами? – спросила она, отдавая батарею Шильдину.

Тот глупо отшутился. На их месте Коржик сторел бы со стыда, а им было хоть бы хны.

И вот один из этих перцев, готовых дважды есть одно и то же, сидел перед ним, пил халявный кофе с халявными плюшками и разыгрывал из себя Гарун-аль-Рашида.

"Коля, – подумал Коржик, – купи себе ассенизаторскую машину с бочкой для говна – она тебе больше подойдет".

Он сполоснул чашку и вышел.

Вернувшись к себе, он посмотрел в окно на бесконечный поток праздной публики. Толян улетел в Лондон. Трубы он отгрузил, цемент тоже. Делать пока было нечего, и до возвращения Толяна новая работа не ожидалась. "Господи, какая скука! – подумал Коржик. – Какой еще бизнес можно ему предложить? Так, чтобы он назначил главным меня и дал денег на развитие". В голову лезла всякая чушь, о которой даже и говорить не хотелось. И вдруг в этом потоке мелькнула идея, которая показалась ему не такой уж абсурдной. Точно! И как это он раньше не догадался? Все гениально просто, а этот план был настолько красив, что даже трудно было сказать, чего в нем больше – гениальности или простоты. До этого еще никто не додумался, Коржик был первым. Вот какие идеи мог выдать мозг, если целенаправленно думать в одну точку!

Коржик взял листок бумаги и начал составлять бизнес-план. Суть его предложения заключалась в следующем. Нужно придать организованный характер торговле печатной продукцией в поездах дальнего следования, которую обычно осуществляют глухонемые (или притворяющиеся таковыми) граждане.

Следует подписать с РЖД эксклюзивный договор, что на всех поездах дальнего следования по всей России будут работать только Толяновы глухонемые. Потом с этим договором пойти в Общество глухонемых и подписать договор, что их люди будут работать на Толяна. Таким образом, фирма убивает двух зайцев – получает массу дешевой рабочей силы и налоговые льготы за трудоустройство инвалидов. Далее бригады из Толяновых людей начинают сопровождать каждый поезд из конца в конец. По одному человека на каждые три вагона по расчетам Коржика должно было хватить. Жить они станут в купе проводников. Это будет считаться благотворительным вкладом РЖД в общее дело.

Далее следовало расширить ассортимент торговли. Газеты и журналы – это хорошо, но для оборота надо бы добавить еще что-нибудь. Например, туры в Египет и Турцию. Или медикаменты первой необходимости – от отравления дорожной едой или от запоров. Передвижные парикмахерские, стричь можно в тамбурах. Это решится по ходу.

Нужно создать центр подготовки поездных бригад. Пошить для них форму, чтобы граждане могли узнавать железнодорожных немых издали и делать заказы. Билеты на поезда, укомплектованные глухонемыми продавцами, естественно, будут стоить немного дороже. За сервис и как лепта граждан в благотворительность, а то хрен допросишься, когда надо.

Коржик положил ручку. В общих чертах получалось неплохо. Но творческая мысль рвалась дальше. Он представил себе договора с книжными издательствами о распространении новых серий детективов в поездах. Они будут печататься в сокращенном варианте и на туалетной бумаге. И еще они будут написаны простым языком, понятным каждому пассажиру. Словарный запас в пятьсот слов будет вполне достаточным. Не менее двадцати процентов слов в этих книгах будет составлять русский мат. И пусть ханжи не морщатся! Именно так и разговаривает простой народ. Да к Толяну будет очередь стоять от производителей. Парфюмерные и посудные фабрики, зубная паста и гигиенические прокладки, детское питание и постельные принадлежности. Все это смогут предлагать пассажирам Толяновы корабейники.

А еще... Коржик аж зажмурился от собственной наглости. Толяновы люди могли бы собирать милостыню в метро. Да, а что такого? Для этого только нужно подписать договора с метрополитенами во всех городах. Придется, конечно, выдержать бой с цыганской мафией, но оно того стоит.

Ух, аж дух захватывало! Вырисовывалась целая империя! Так, глядишь, Толян и в список журнала "Форбс" попадет. И Коржик вместе с ним.

Толян вернулся через неделю. Как и следовало ожидать, идея Коржика ему сразу понравилась. Он любил бизнесы, куда не нужно вкладывать деньги. С присущей ему энергичностью, он сразу же начал действовать. Нашел подходы к какому-то перцу в РЖД и забросил туда договор. А сотрудников сразу же усадил за изучение языка глухонемых. Преподаватель приходил по утрам на полтора часа, а потом им целый день запрещалось общаться голосом, а разрешалось лишь жестами. Голосом они могли отвечать только на телефонные звонки. Сам Толян, как настоящий руководитель, подавал всем личный пример и так втянулся в это дело, что даже по телефону пытался отвечать жестами и не сразу понимал, что нужно переходить на нормальный язык. Сотрудники даже материться научились жестами. Это были довольно неприличные движения, но зато сразу понятные. И не только глухонемым. К ним быстро привыкли и они уже не казались такими похабными.

Коржика, как автора идеи, Толян сделал замом по работе с глухонемыми, а из Общества взял консультанта. Все финансовые потоки были переориентированы на развитие нового проекта. Шильдин от зависти расплавился, растекся лужей на полу и высох на солнце.

А зеленое пятно, которое от него осталось, уборщица соскребла совком, подмела и выбросила в ведро.

Коржик наслаждался жизнью. Наконец-то он получил все, чего заслуживал, и что полагалось настоящему топу: отдельный кабинет, секретаршу, кредитку с офигенным лимитом на представительские расходы и служебный автомобиль. Правда, с глухонемым водителем. Хренов Толян сказал, что нужно экономить и на настоящего водителя денег у него не хватило. Так он и не избавился от синдрома протухшего "Бейлиса", но Коржик его за это простил.

Однажды Коржик сидел в своем кабинете, положив на стол ноги в новых итальянских туфлях ручной работы, и листал каталог внедорожников, как тут примчалась его секретарша с перепуганным лицом и стала жестами тараторить, что Толян очень зол и срочно требует его к себе. Коржик жестами же выматерился, сделав несколько похабных движений тазом, от чего чуть не выпал из кожаного кресла, взял папку с текущими бумагами по проекту и быстрым шагом направился к нему.

Дернул дверь – закрыто, дернул еще раз – то же самое.

– Сережа, не ломись! – сказала Лариса. – Он в командировке.

Они с Шильдиным все еще сидели на кухне, трепались и наблюдали за ним через внутреннее окно. Шильдин ехидно улыбался.

– Я и забыл, – смущенно пробормотал Коржик и поплелся к себе.

"А где же глухонемые, где моя слегка рябая, но фигуристая секретарша, и вообще, где все? Мне что, это только приснилось? Это была обычная послеобеденная дремота?"

С улицы донеслось заунывное пение кришнаитов с бубенцами и барабаном. Его стол стоял на прежнем месте. Все приснилось...

Ну, блядь, тоска!

18

Чтобы развеяться и прогнать остатки сна, Коржик вышел на улицу. Кришнаиты остановились недалеко от офиса, встали полукругом и затянули свою заунывную песню, притопывая и прихлопывая. В этот раз у них играла труба. Тромбон или хрен его знает. Играла вполне профессионально, то есть так, что слушателю не было стыдно ни за один звук. Наверное, сманили трубача из настоящего оркестра. Был и усилитель с колонкой. Получался целый концерт за бесплатно, но состоящий из одной песни. "Над репертуаром ребятам надо еще поработать, – подумал Коржик. – Вот если бы они могли врезать что-нибудь поэнергичнее – из "ZZ Top", "Oasis" или хотя бы из "Ленинграда", слушателей было бы побольше".

Но их и так стояло вокруг немало. Кришнаиты были одеты в персиковые юбки разных оттенков. Коржику стало интересно, как они на них держатся. Как на борцах сумо? Нет, не похоже. А вот если бы перед этим полукругом дрались два сумоиста – что бы тут творилось! Н-да, религиозная пропаганда у них явно недорабатывает. Нет творческого подхода. "Если бы я был кришнаитом, – подумал Коржик, – я бы научил их, как быстро увеличить ряды последователей. А что, может, действительно, двинуть к ним? И сделать карьеру на религиозном поприще? Стать великим магистром или кто там у них главный".

Коржик пошел бы, но приятель-кришнаит, живущий не в общине, рассказывал, что у них секса нет. Только для продления рода это дело и разрешается. А так, для баловства – ни-ни. А его интересовал именно сам процесс. А то бы он уже давно...

Кришнаиты пели и танцевали с неподдельным энтузиазмом. Внимание Коржика привлек мужик примерно его возраста с бритыми висками и хвостиком на макушке. Одет он был в простыню самого темного оттенка. Видать, он был старшим у них или вроде того. Коржик стал так пристально его разглядывать, что тот это заметил, посмотрел на Коржика, слегка улыбнулся и кивнул головой в сторону правого плеча – присоединяйся, мол.

Потом кришнаиты снялись и пошли дальше. Коржика охватил кураж. Он пристроился в хвост колонны и начал подпевать вместе со всеми. Ему стало весело. Попробовал еще пританцовывать на ходу. Классно! Он стал ловить на себе недоумевающие взгляды тверских клерков. Он странно выглядел в деловом костюме среди этой толпы в простынях. Этакий клерк, который сошел с ума от того, что его в извращенной форме только что трахнуло начальство. Но ему было плевать. Москва – как лес. Здесь можно делать все, что хочешь – все равно тебя никто не знает.

– Сергей! – вдруг окликнул его знакомый голос.

Он оглянулся. Это был Борис, приятель по прежней работе. Малый компанейский, но немного простоватый. Борис недавно окончил институт, и работал третий год. Коржика уволили, а его нет. Его банк находился неподалеку в переулке.

Он остановился.

– Ты что, не на работе? – спросил Борис.

– Пройденный этап, Боря, – сказал Коржик и хлопнул его по плечу. – Я теперь человек божий.

Глаза Бориса округлились.

– Ты это серьезно?

– А то! Дорога выбрана, обратного пути нет!

– Как это нет?

– А так – у нас пожизненное членство. Бывших кришнаитов не бывает.

– Хорош гнать! – не поверил Борис.

– Я тебе правду говорю!

В этот момент бритый кришнаит очень кстати оглянулся, увидел, что Коржик отстал, и махнул рукой – догоняй, мол.

– Видишь – зовут.

– Н-да, – промычал Борис, не зная, что сказать. – А у тебя со здоровьем-то все в порядке?

– Еще в каком! Я никогда не был в таком порядке, как сейчас.

– Я имею в виду – с головой?

– А с головой – тем более. Наше учение проясняет тантру, открывает чакры и рассеивает карму. Я теперь многое понимаю, чего не понимал раньше.

– И кем ты у них?

– Пока послушником. А вот квартиру отпишу – стану полноправным членом общины. Получу форменную одежду, юбку то есть, и право выбрить виски.

Борис сочувствием посмотрел на Коржика.

– А это обязательно?

– Нет, конечно, – вдохновенно продолжал тот врать. – Но тогда так и останешься послушником. А я хочу, как все. Кстати, ты заметил, что у них юбки разного цвета?

– Ну, да.

– Знаешь, зачем это?

– Зачем?

– Чтобы различать, кто сколько квартир пожертвовал. Одну – самая светлая, две – потемнее, три и более – самая темная.

Коржик чувствовал, как от его рассказа у Бориса сносит крышу.

– Так что, давай к нам, – продолжал он. – Ты знаешь, какое чувство свободы испытывашь в общине? Я счастлив, как в детстве. Со мной никогда такого не было. Назад я уже не вернусь, это точно. Присоединяйся!

– Да у меня и квартиры-то нету полностью своей, – проямлил Борис и посмотрел на Коржика, как на безнадёжного придурка.

– Это ничего! – бодро утешил тот его. – Можно внести деньгами, хотя бы часть. Остальное потом отработаешь.

– Что отработаешь? – не понял Борис.

– Недостающую сумму.

По лицу Бориса было видно, что он раздумывает, не вызвать ли прямо сейчас к Коржику "скорую". Потом, видно, решил, что это не его дело и сказал.

– Ты извини, Сергей, но мне пора – дела.

– А, ну, конечно! – покладисто согласился тот. – Да и мне нужно братьев догонять, а то уедут в монастырь, а мне потом придется ночевать на улице. У нас с этим строго. Мне, ведь, еще отчет сегодня писать – кого из знакомых встретил и какую работу с ним провел. Кстати, у тебя адрес тот же? А то мне надо будет в отчете указать.

Бориса как ветром сдуло.

Прошел кураж и у Коржика. Он развернулся и направился к офису. "Так, – подумал он, – поспал, повеселился, пора и о делах подумать. Сколько не прикалывайся, а проблемы от этого не решаются. Так какой же, блядь, бизнес предложить Толяну? И что такое тантра? Может, следовало сказать "мантра"?"

19

Наступила жара. За ночь офис не успевал остыть и по утрам встречал клерков почти таким же душным, как и прошлым вечером. Кондиционеров в офисе не было. Народ утирался платками и жадно пил воду. На кухне всегда валялись несколько выдавленных лимонов. Считалось, что вода с лимонным соком лучше утоляет жажду. Во всех комнатах работали вентиляторы, но помогали мало.

Андрюха стал приходить на работу в шортах. Ему указали на несоответствие и он перешел на льняные джинсы. Он не вылезал из кухни, то и дело давил лимон в холодную воду и не спеша пил. Недодавленные желтые шелупайки там и тут валялись по столу. Вместе с лужицами расплескавшейся воды смотрелось это неопрятно.

Коржику тоже хотелось воды с лимоном, но взять их в руки после Андрюхи он уже не мог.

– Нехорошо ты поступаешь, – однажды заметил он.

– Почему? – удивился тот.

– А если бы тебя так? – Коржик кивнул на лимон.

– Выдавил? – он заржал.

Смеялся и разговаривал Андрюха одинаково громко, звук получался гулким и раскати-стым. Он упорно не хотел подстраиваться под офисную приглушенную и немного шепеля-вую манеру общения. "Имеет право, – подумал Коржик, – Если бы у меня был такой же папа из министерства, я смеялся бы еще громче". Хотя, ему почему-то было трудно представить себя великовозрастным бездельником – подход бы со скуки. А Андрюхе хоть бы что.

– Я и так выжат от этой блядской жары, – сказал Андрюха и налил себе очередной стакан.

На кухне они были только вдвоем и могли свободно материться.

– Ну, а если бы там глаз был? – попытался зайти с другого конца Коржик и навести того на мысль, что ему не нравится такая манера обращение с цитрусами.

– В лимоне? Я бы и его выдавил.

Он опять гулко засмеялся. Коржик поморщился. Прямо, бочка какая-то. "Чертова дели-катность, – досадовал он на себя, – ну как объяснить человеку, что вид полураздавленного цитруса мне неприятен и я не могу взять его в руки. Сам должен понимать – мерзок мне этот вид".

Андрюха взял последний целый лимон и, ничтоже сумняшеся, выдавил половину в свой стакан. Холодная вода стала мутной от лимонного сока и от того еще более желанной. Стенки высокого стакана запотели.

Коржик сглотнул слюну. Ну почему этот урод не может просто отрезать кружок от целого? Тогда и ему досталось бы. Андрюха уже не казался ему таким симпатягой, как раньше. Наверное, он в детстве любил давить красивых жуков и отрывал мухам крылья. Правильно говорят: "Простота – хуже воровства". Вот сделать бы ему на лбу татуировку "Не дави лимон, гад!", тогда, может быть, он изменился бы.

Коржик налил себе простой минералки.

– А лимон? – Андрюха подвинул к нему блюдце с желтой шелупайкой. "Услужливый, блядь!" – подумал Коржик.

– Не люблю, – ответил он через силу.

– Зря, – сказал Андрюха с сочувствием.

И после паузы доверительно сообщил.

– Между прочим, это я придумал.

– Чего? – не понял Коржик.

– Пить в жару воду с лимоном. Теперь весь офис пьет.

Коржик посмотрел на него с сомнением. Андрюхе под тридцатник. "Сказать ли ему, что лимоны существуют с незапамятных времен, а вода и того дольше? – подумал он. – И все это время люди пьют воду с лимонным соком? И называется это "лимонад"? Нет, пожалуй, не стоит. Бедному малому очень хочется быть в офисе хоть чем-нибудь полезным, а полезен он только папой. Ну, вот еще и лимонадом. А там, глядишь, еще что-нибудь придумает. Выключать на ночь свет, например, или открывать форточку для проветривания. Тоже польза".

Он вспомнил Траволту в старой рождественской комедии. Тот играл роль архангела и заявлял, что придумал очередь. А до того, мол, было черт знает что.

По офисной классификации Андрюха относился к придуркам. Классификацию когда-то придумал приятель Коржика. Согласно ей, все офисное население делилось на три группы: работяги, придурки и проститутки. Работяги пашут, придурки бездельничают, потому что приняты в штат как родственники нужных людей, а проститутки заняты известно чем. Несколько прямолинейно, но по сути верно. Надо только добавить, что часто в одном клерке совмещаются два, а то и три типа в разных пропорциях, в зависимости от склонно-стей и обстановки. Коржик был работягой, но, случалось, становился придурком, когда не мог врубиться во внутриофисные расклады или не желал поступить правильно, потому что имел принципы.

Но Андрюха был чистым придурком. В нем не содержалось ни грамма примесей от двух других типов. Он был разведен, посещал качалку, внимательно следил за модой, не задумывался о будущем и жил не напрягаясь в свое удовольствие. Он всегда был веселым и доброжелательным, за что его все и любили. Переброситься с ним парой слов было как потрепать по холке красивую охотничью собаку с большими глазами. Умная животина, кое-что понимает, жалко, что не все.

Голова Андрюхи была занята бабами, машинами, тусовками, травой, хайэндовской звуковоспроизводящей аппаратурой и прочими приятными вещами. Еще он любил гулять по магазинам и выискивать всякие полезные вещи за недорого. А потом рекомендовать их сослуживцам. Сослуживцы тоже хотели бы так жить, но хрен там – у них были жены, мужья, дети, любовники, любовницы. А еще долги, планы, обязательства, напряги. "На хрена мы их заводили? – думали они, глядя на Андрюху. – Ведь можно же было жить и так".

Черт, какая все же жара!

Коржик допил минералку и вернулся к себе. Стало еще жарче.

В комнате было четверо: Коржик, финансовый директор Лариса, экономисты Лена и Александра.

– Ну и жара! – сказал Коржик и снял галстук.

– Ага, – откликнулась Лена, – невыносимо.

– А ведь день еще только начался, – поддержала Александра.

Она работала доцентом в известном вузе, а здесь подрабатывала через день.

Лариса промолчала.

– Почему у нас нет кондиционеров? – спросил Коржик у Ларисы.

Она мягко улыбнулась и столь же мягко ответила ему, словно непонятливому дитяти.

– У нас их никогда и не было.

– А почему?

– По многим причинам.

– Например? – не унимался он.

Лариса разговаривала с ним все в той же мягкой манере. С одной стороны это было ему приятно – интеллигентный человек как-никак. Но с другой, в этой мягкости чувствовалось скрытое превосходство. Она знала больше. Она пустила корни глубже. Она не обо всем могла говорить с не-во-все-посвященными, вроде него, но не хотела этого подчеркивать. Пусть сам догадается. Этакая квочка-воспитательница.

У нее зазвонил телефон и она отвлеклась на разговор. Нарочито приветливым голосом, как ему показалось. Мысль о том, что впереди еще не один день такой духоты сделала Коржика почти агрессивным.

– Что же это за причины? – повторил он, когда она положила трубку.

Она пожала плечами. Хотела, мол, замять разговор, но раз он так настаивает...

– Анатолий Петрович не хочет дополнительных расходов. У нас и так офис в центре.

Это он понимал. Офисы в центре стоят дорого, арендные ставки высокие. Но нельзя же так мучиться все лето. Ведь и у шефа нет кондиционера. Правда, кабинет у него почему-то попрохладнее, чем у остальных.

– А еще что?

– Проводка может не выдержать нагрузки.

Это правда. Проводка в старых домах на Тверской действительно не рассчитывалась на то количество оргтехники, которое теперь в них стояло. Электричество часто вырубается и без кондиционеров. Тогда жизнь замирает, гаснут компьютеры, перестают звонить телефоны.

– Это все?

Она выложила основную причину.

– Если будем переезжать, кондиционеры придется оставить.

"Вот мы и добрались до сути, – подумал Коржик. – Это и есть самое главное".

Такие фирмы, как Толянова, должны часто менять адреса – от налоговой и от других напастей. Год на одном месте – нормально, два – уже много, как бы не нагрянули незваные гости. Но кондиционеры можно и не оставлять, если купить не сплиты, а обычные, оконные.

Господи, какая же жара! Пот катился по спине, по груди, рубашка прилипла к телу. Любое движение только все усугубляло. Скорее бы зима, хоть и ее он ненавидел.

– Давай купим кондиционеры, – сказал он Ларисе.

Ей этот разговор не нравился. Она сделала вид, что очень занята и ей некогда болтать о таких пустяках. Она уткнулась в монитор и напряженно что-то кнопила на клавиатуре. Охотно откликнулась на телефонные звонки. Сама звонила. Она хорошо изучила Толяна и знала, какой будет реакция на такое предложение. И не хотела попасть под раздачу. Еще она надеялась, что и Коржик, наконец, поймет вредность своей затеи и заткнется. Но он не хотел понимать. Жара просто сводила его с ума. К тому же, он чувствовал себя в силе. По статусу он был третьим человеком в конторе и недавно провел пару успешных сделок. Ему казалось, что это дает ему моральное право потребовать установки кондиционеров. Лариса же поддерживать его не хотела, а Лена и Александра боялись. У них не было права голоса, они об этом знали и помалкивали.

– Давай купим кондиционеры, – повторил Коржик, – сейчас у всех есть кондиционеры.

Это была неправда. Далеко не у всех, но у большинства финансовых директоров и их замов они точно были.

Лариса посмотрела на него с сожалением, как на человека, который ходит по высокой стене и упорно ищет повод свалиться вниз.

– Ну, если тебе удастся убедить Анатолия Петровича..., – сказала она и углубилась в какую-то бумагу.

Коржику было достаточно и этого. Лариса поддерживать его просьбу не будет, но и возражать не станет. Ладно.

Некоторое время он не шевелился и ждал, пока рубашка высохнет. Потом взял последние сводки о поставках цемента и пошел в приемную. Там сидели целых две секретарши. Была еще и третья, но ее недавно за что-то уволили. Скоро должны были принять другую. Одна из них, Алина, отвечала по телефону, а втора, Вика, улыбнулась ему. Коржик улыбнулся ей в ответ. У него с ней были приятельские отношения. Когда решался вопрос о ее приеме на работу и мнения разделились, Коржик высказался "за" и ее взяли. Она об этом знала. Да и вообще она была приятной телкой.

Больше в приемной никого не было.

– На месте? – спросил Коржик.

– Толян? – уточнила она. – Только приехал.

"Раньше она называла его Анатолием Петровичем, – отметил Коржик. – А теперь Толяном. Вот и еще одна крепость пала. Если, конечно, крепость". Коржику стало немного грустно. Он и сам имел на нее виды. Но какой ей смысл трахаться с ним за так, если можно трахаться с Толяном за премию. Он самый главный. Рыба ищет, где глубже. Ничего личного, как говорится.

– Я зайду?

Она бросила взгляд на большой телефон с кучей клавиш и огоньков. Телефон напоминал поселок в сумерках. Ни одна из лампочек не горела. Значит, он не разговаривал.

– Заходи.

Толян сидел за большим столом под сильно увеличенной фотографией, на которой он был снят с известным губернатором из Сибири. На ней присутствовал и еще один мужик, но Коржик его не знал. Все стояли прямо и смотрели в объектив. Губернатор в центре, осталь-

ные по бокам, но не вплотную, сохраняя почтительную дистанцию. Значительная часть бизнеса у Толяна находилась в Сибири. Он лично был знаком с тамошним губернатором, хотя и не имел прямого доступа к нему.

Толян поздоровался с Коржиком за руку и указал на кресло напротив. Коржик сел и рассказал о последних отгрузках цемента нефтяникам и о предстоящих в ближайшее время. Все шло по плану.

В конце рассказ Коржик сделал паузу, пожаловался на жару и завел речь о кондиционерах. Толян поморщился. Тема была ему неприятна. Коржик знал, что даже у него в машине кондиционер с прошлого года не работает и он терпит, не хочет тратиться на ремонт. А тут пришел Коржик и просит купить целых три кондиционера для офиса. Ну, не наглость ли?

Но дела у Коржика шли нормально и он считал, что имеет право на такое требование.

Толян был в нерешительности. С одной стороны, ему было жалко денег. Но с другой, он не хотел отказывать и Коржику. Он воспринимал эту просьбу как его личную, хотя один из трех кондиционеров должен был пойти ему в кабинет. Он прикидывал, отобьются ли потраченные на кондиционеры деньги и во сколько раз. И никак не мог принять решение.

Коржик начал понимать, что из-за этой фигни в другой раз ему будет гораздо труднее или даже невозможно обратиться к Толяну с более существенной просьбой, но идти на попятную уже было поздно. Он до сих пор так и не изучил психологию богатых людей – постоянно забывал, что она мало чем отличалась от психологии бедных. Их точно так же временами клинило на мелочах и они не могли решиться на небольшие, в общем-то, траты, если считали их ненужными. Но тут же с удовольствием и без принуждения швыряли деньги там, где им приятно было это делать, пусть даже эти деньги пропадали потом без пользы. Такие места внезапных прорывов следовало выискивать и подставлять шапку там, а не надоедать с ненужными кондиционерами. Это был его промах.

– Я подумаю, – сказал Толян.

С тем Коржик и ушел.

Через неделю он выбрал момент и опять напомнил о кондиционерах. Толян нехотя согласился.

– Ладно. Возьмешь деньги у Ларисы, – сказал он с кислой миной. – Можешь послать за ними Андрюху и еще кого-нибудь.

У Коржика осталось странное чувство. Вроде бы он добился своего, но что-то пошло не так. Интуиция подсказывала ему, что не нужно было выжимать из Толяна эти деньги и скоро он об этом пожалеет.

Он гнал от себя эти мысли, но дальнейшие события только подтвердили его опасения.

20

В понедельник в офисе появился новый сотрудник. Коржик увидел его в открытую дверь соседнего кабинета, когда проходил мимо по коридору. Тот озабоченно пялился в разложенные на столе бумаги и кнопил телефон. На часах было только начало десятого. У них в такое время еще не звонили. В основном зевали, вешали пиджак на спину кресла, переобувались в офисные ботинки и шли пить кофе, если не было Толяна. А его с утра почти никогда и не было.

Собирались все на кухне. Она была свободна до полудня, пока повариха не привезет обед, и все бездельники отирались здесь во всякое время. Кроме обычного окна на улицу, кухня еще имела и длинное окно в коридор, так что всегда было видно, когда появляется директор – путь в его кабинет пролегал мимо кухни. Как только он стремительным шагом

проносился мимо, все делали вид, что оказались здесь случайно и суетливо разбегались по кабинетам.

В это утро Толян еще не появился. Все пили кофе и делились новостями. Поначалу Коржик не очень любил эти собрания, но потом втянулся. Деваться некуда, а восемь часов рабочего времени надо как-то скоротать. Сам не скоротаешь – никто за тебя этого не сделает.

Кофеварка закипела, плюшки принесли, посиделки начались. Кофе в конторе был всегда хороший, брендовый, ни в коем случае не растворимый, а плюшки из магазина, где, говорили, можно встретить парочку известных известных киноактеров. Они где-то здесь и жили. Коржик, правда, их не встречал. Но он в тот магазин и не ходил. Так, был один раз и все. Платила за все Лариса. Открывала сейф, брала деньги и говорила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.